

Алексей ГОРШЕНИН

ПРЕРВАНЫЙ ПОЛЕТ

Очерк творческой судьбы Николая Осинина

Николай Осинин — человек драматичнейшей судьбы. На его пути вставали подчас такие преграды, таким испытаниям он подвергаться, какие редко кому выпадали. Его детство и юность больно заделали сталинские репрессии. Он прошел две войны. Дважды был ранен. Оказывался в фашистском плену со всеми его «прелестями», бежал, снова воевал... Но не согнулся, не сломался и не окаменел сердцем. О нем самом можно с полным основанием говорить как о замечательном примере человеческой стойкости. Не случайно известный писатель-сибиряк и тоже фронтовик Владимир Сапожников в предисловии к одной из книг Осинина писал: «Хороший человек похож на хорошее дерево. Я говорю о моем друге Николае Петровиче Осинине, человеке необыкновенно трудной судьбы и чистой, благородной, высокой души... Так жадно хотел он увидеть во всем и всех доброе... Я думаю, этим инстинктом добра Николай Петрович и жил. Ни разу не видел его приунывшим, сдавшимся, и это все при том, что он был очень болен, в сущности, приговорен, нося в себе целый букет недугов, которыми наделили его два года немецких лагерей».

В конце 1940-х годов Осинин вышел на главную в своей жизни дорогу — литературную, с которой не сворачивал до последних дней. Ее тоже не устлала роза. И движение было на ней очень интенсивное. Тем не менее, Николай Осинин не остался на обочине, не затерялся в густом потоке. И благодаря таланту, безусловно. Но, наверное, и потому, что сразу сумел интуитивно «вычислить», найти своего главного читателя — детского.

О детях и для детей Николай Осинин писал практически всю жизнь, ей, юной поросли, отдал свои способности и перо, став по-настоящему детским писателем, каких по большому счету всегда очень и очень мало. И получал ответное признание и любовь. В 1950 — 1960-х годах произведениями Осинина зачитывались. Их издавали в разных городах Сибири, в Москве, в Риге. На примерах их героев росли поколения сибирской детворы послевоенных десятилетий.

Повести и рассказы Николая Осинина и ныне, несмотря на значительную временную дистанцию, читаются с захватывающим интересом и волнением. Поэтому сегодня совершенно правомерно можно говорить, что творчество Осинина испытание временем выдержало.

Другое дело, что под натиском воинствующего прагматизма деформировалась социальная атмосфера, вытесняются и подменяются непреходящие духовные ценности, что приводит к захирению, а то и гибели целых культурных пластов, густо сея «траву забвения». Отчего в памяти нынешних поколений даже классики русской литературы не задерживаются. Немудрено, что и Николая Осинина, и многих его сибирских коллег-литераторов помнят все меньше.

В предлагаемом очерке творческой судьбы Николая Осинина делается попытка восстановить справедливость и напомнить об этом замечательном писателе и человеке (а кому-то и познакомиться с ним), немало сделавшем для литературы Сибири.

1

За перо Осинин взялся довольно поздно, когда перевалило ему за тридцать, и за плечами был уже суровый жизненный опыт. А до тех пор ничто не предвещало, что станет он писателем...

Николай Петрович Осинин (настоящая фамилия Апсит) не был сибиряком. Родился 19 декабря 1917 года в деревне Шаталово Починковского района Смоленской области в бедной крестьянской семье. Отца фактически не знал. Воспитал его отчим — Петр Янович Апсит, латыш по национальности. До революции семья Апситов — мать с отцом и три сына — жила в Риге. Все мужчины принимали активное участие в революционной борьбе против царского самодержавия. После Рижского восстания они были арестованы и, как сообщили матери, расстреляны. Известие оказалось не вполне достоверным (погибли

только отец и старший сын), тем не менее, в отчаянии несчастная женщина покончила с собой. Один из оставшихся сыновей, Петр Янович Аpsит, в дни Октябрьского переворота оказался в рядах латышских стрелков, охранявших Смольный. Позже сражался в Красной Армии на фронтах Гражданской войны. С ее окончанием был направлен лесничим в Починковский район Смоленской области, где женился на местной жительнице Марии Семеновне Мячковой, дав приемному сыну Николаю свои фамилию и отчество. Через несколько лет в семье родилось еще трое детей, и пасынок все острее чувствовал себя лишним.

В 1935 году Николай Аpsит с отличием окончил школу и твердо решил начать самостоятельную жизнь. Как и многие юноши его возраста мечтал он о таежной романтике, трудных геологических маршрутах. И вот, заработав немного денег, вместе с другом отправился в Томск, где поступил в геолого-разведочный техникум. Но осуществиться юношеской мечте было не суждено. Через год техникум преобразовали в геодезический. Готовили теперь здесь топографов. А Николаю Аpsиту, поскольку у него начала прогрессировать близорукость, врачи и вообще посоветовали избрать другую специальность.

В 1936 году Николай Аpsит поступает на литературный факультет Томского пединститута. Далековато это было от романтики путешествий и приключений. Но и удивительного в такой смене курса мало. В свидетельстве об окончании школы, кроме перечисления отличных баллов по всем предметам, указывалось, что «Аpsит Н.П. выполнял общественную работу члена редколлегии... и проявляет склонность к литературе». Указанная «склонность», надо полагать, и направила юношу на литфак.

Но и в этом учебном заведении завершить образование Николаю Аpsиту не удалось. В 1938 году репрессировали и расстреляли Петра Яновича Аpsита. Клеймо «врага народа» с вытекающими отсюда тяжелыми последствиями легло на всех его родственников. Семья начала бедствовать. Поэтому, чтобы хоть как-то содержать себя и помочь близким, Николай Аpsит в 1939 году переводится на заочное отделение и поступает на работу. Несколько месяцев преподает он в пятых-десятых классах Итатской средней школы (сейчас этот поселок находится на территории Кемеровской области), продолжая учебу в институте (окончил третий курс, сдал ряд экзаменов за четвертый). Но наступает армейская пора...

В ноябре 1939 года молодого учителя и студента-заочника Николая Аpsита призывают в ряды Красной Армии. Попал он поначалу в Магнитогорск, где получил специальность военного связиста, затем — несколько месяцев финской войны, после завершения которой — литовский город Шауляй. Там, на западной границе СССР, и встретил Николай Аpsит Великую Отечественную войну. Оттуда с боями вместе с остатками своей части отступал по дорогам Прибалтики, пока не ранило под Ригой.

После непродолжительного лечения в госпитале Николай Аpsит в составе отдельного батальона связи вернулся в строй и участвовал в боях сначала под Москвой, затем на Волховском фронте.

Весной 1942 года 2-я ударная армия под командованием печально известного генерала Власова, в составе которой находился тогда офицер связи Николай Аpsит, попала в лесах под Новгородом, в местечке под названием Мясной бор в фашистский котел. После трех месяцев боев в окружении в полку Аpsита осталось чуть больше сотни бойцов. Командующий армией Власов, как известно, перебежал тогда к немцам, а умирающие от голода, израненные солдаты были захвачены ими в плен. При попытке прорыва и выхода из окружения 24 июня 1942 года Николай Аpsит получил второе ранение — в ногу. События той жуткой трагической ночи он опишет два десятка лет спустя в рассказе «Мертвый лес».

«Истекала последняя минута перед броском. А потом началось: черное небо в зарницах, грохот вражеских батарей, минометный шквал. Лес. Впереди речка, а за ней плотная цепь немецких блиндажей, оплетенных трассами пуль, точно живой огненной

сеть. Люди натыкались на нее и падали. Никто не кричал. Шли в атаку молча. Молча падали. Если могли, ползли дальше...»

Очнулся Николай Аpsит на рассвете в воронке. Страшно хотелось пить. На дне блеснула вода, но просачивалась она из-под валявшегося здесь трупа немца. Он снова впал в забытие и вышел из него, почувствовав прикосновение чьих-то рук. Это была медсестра. Она успела перевязать Николая, и теперь собиралась с силами, чтобы вытащить из воронки и тянуть его, обездвиженного, дальше. Но тут заработали минометы. Сверлящий вой стремительно приближался. Грохот разрыва накрыл их. А через несколько мгновений оглохший Николай увидел перед собой развороченное осколками мины тело совсем еще юной девушки, ее налитые невыносимой болью и смертным ужасом глаза. А когда стал возвращаться слух, услышал: «Пристрелите меня!» То была мольба, наполненная невыносимым страданием обреченного человека. Наверное, и вправду ничего лучшего он тогда не мог бы сделать. Но не поднялась рука...

Почти два дня еще продолжались ее мучения. А пристрелил медсестру фашистский офицер, неожиданно возникший на краю воронки. Он хладнокровно разрядил в нее свой пистолет, но, удивительное дело, не тронул Николая.

29 июня 1944 года раненый Николай Аpsит оказался в плену. Сам передвигаться он уже не мог, и его, сменяясь, несли на самодельных носилках измученные, истощенные однополчане. Во время одной из остановок оказавшийся среди пленных военврач оказал Николаю необходимую медицинскую помощь, но один из осколков извлечь так и не удалось, и впоследствии он еще не долго давал о себе знать.

В декабре 1942 года Николая Аpsита с большой группой советских военнопленных отправляют в Финляндию — сначала в концлагерь у поселка Салла, затем в лагерь близ города Рованьеми неподалеку от границы со Швецией. Два года пришлось провести ему за колючей проволокой под дулами пулеметов на сторожевых вышках.

И все время не покидала его мысль о побеге. Но в одиночку осуществить это было практически невозможно. Беглецов-одиночек фашисты быстро ловили и подвергали мучительной публичной казни, какую Аpsиту приходилось наблюдать в лагере не раз. Он пришел к выводу, что на успех можно рассчитывать только в случае совместных действий заключенных. Созрело решение о создании в лагере подпольной организации.

Надо сказать, что определенный опыт подпольщика у Николая Аpsита уже был. Будучи студентом Томского пединститута, он одно время состоял в молодежной подпольной антисталинской организации. Просуществовала она недолго. Органы НКВД внедрились в ее ряды своего человека, которому удалось установить личности и адреса некоторых членов «троек». Среди студенческой молодежи начались повальные аресты, и только счастливая случайность спасла Николая в тот раз от гибели. (С тех пор, надо полагать, предательство и стало предметом его постоянных размышлений).

Подпольная организация создавалась Николаем Аpsитом и его единомышленниками с исключительной осторожностью и продуманностью, поэтому, несмотря на изощренные способы слежки, фашисты не узнали об ее существовании.

В ноябре 1944 года подпольщикам стало известно о планах гитлеровцев уничтожить в связи с критическим положением на фронте всех заключенных лагеря. Надо было торопиться. Бежать решили, чуть окрепнет лед на озере, на восточном берегу которого расположился лагерь. Если следовать через озеро строго на запад — нейтральная Швеция, куда и стремились пленники. Сильно потерявшие в весе от постоянного голода, они надеялись уйти по тонкому льду от преследования более тяжелых, обремененных, к тому же, амуницией и оружием немцев.

И вот 20 ноября во время ежедневного построения на плацу по условному сигналу заключенные набросились на охранников. Им удалось не только завладеть оружием, но и перестрелять часовых на вышках, без чего побег был бы невозможен. Более трехсот человек ушло через озеро. Расчет себя оправдал: фашисты не решились преследовать беглецов по тонкому льду. Но пустили вдогонку лагерных собак...

Давно еще, когда Николай был совсем маленьким, цыганка нагадала его матери, Марии Семеновне, что сыну ее в будущем предстоит пережить смертельный страх от домашнего животного. Мать подумала, что речь идет о лошадях, и никогда не подпускала к ним Николая, отчего он был, пожалуй, единственным парнишкой в их деревне, не умевшим ездить верхом. И вот странное предсказание сбывалось. Только причиной тому оказалась вовсе не лошадь.

...Его настигал огромный свирепый лагерный пес, специально натасканный на людей. Что мог противопоставить ему измученный, дистрофичный от хронического недоедания, весивший менее пятидесяти килограммов (почти столько же, преследующая его овчарка), ничем не вооруженный узник? Ничего, кроме собственного мужества и отваги, огромной жажды жизни и свободы. Человек и собака схватились в смертельных объятиях. И человек одолел...

Сам Николай такой исход считал просто невероятным везением. К такому же везению можно отнести и то, что, пройдя почти пятьдесят километров по гористой местности, он сумел выйти к пограничной речке Торнионёки. С крутого ее берега Апсит увидел людей, которых поначалу принял за фашистов. Чтобы снова не попасть в руки врагов, собрался прыгнуть с кручи, но услышал: «Товарищ, товарищ!» Это оказались шведские пограничники. Узнав о побеге из лагеря, они выслали на поиск беглецов вдоль границы небольшие отряды, где были люди, говорившие по-русски. Лишь десятая часть бежавших узников выжила. И среди них — Николай Апсит.

Две недели пробыл он с уцелевшими товарищами на территории Швеции. Их подкормили и подлечили. Судьбой их в это время занималось советское посольство во главе с легендарной Александрой Михайловной Колонтай, с которой будущему писателю довелось встречаться. И вот 3 декабря 1944 года по ходатайству советского правительства их, наконец, отправили на родину.

Радоваться, однако, было преждевременно. Дома все они сразу же попали в руки следователей Смерш. Но Николаю Апситу невероятно повезло и на сей раз: допрашивавший его офицер Смерша, внимательно выслушав и тщательно проверив его показания, настоятельно посоветовал никому больше не рассказывать о своей роли в организации подполья, чтобы не привлечь к себе опасного внимания НКВД. Ведь бывшие узники фашистских лагерей нередко сразу же отправлялись в лагеря советские. Оказавшись человеком глубоко порядочным, следователь не только вывел Николая Апсита из-под удара органов внутренних дел, но и рекомендовал для продолжения дальнейшей службы в десантных войсках. Учитывая то, что в Смерш подбирались весьма специфические кадры, и существовала слежка внутри самой этой организации, поступок следователя, спасавшего с риском для собственной жизни совершенно чужого ему человека, кажется почти невероятным. Тем не менее... Благодаря этой рекомендации Николай Апсит после лечения в госпитале в апреле 1944 года действительно попал в десантные войска, которые готовились к высадке в Австрии. Правда, война закончилась раньше, чем было принято решение о таком десантировании.

В октябре 1945 года, Николая Петрович демобилизуется и едет по направлению в Новосибирскую область преподавать русский язык и литературу в Черепановском педучилище. Здесь, в Черепаново, познакомился он с будущей женой — Раисой Александровной Ткаченко — преподавателем математики в школе. В феврале 1946 года Николай Петрович и Раиса Александровна поженились, а в октябре у них родилась старшая дочь Наталья. К этому времени (началу 1946-47 учебного года) молодых педагогов переводят в Болотнинское педучилище.

Педагогом Николай Петрович был, что называется, от Бога. Даже на получение звания Заслуженного учителя РСФСР претендовал. И, наверное, его удостоился бы, но случилось неожиданное, не только почетное звание сделавшее недоступным, но и на всей дальнейшей педагогической карьере Николая Петровича фактически крест поставившее.

В связи с его выдвижением в Болотное нагрел инспектор Новосибирского областного отдела образования Горский и посетил открытый урок Апсита. Николай Петрович рассказывал о творчестве Константина Паустовского, которого считал лучшим современным советским писателем. Не учел, правда, того немаловажного обстоятельства, что как раз в те годы, в обстановке начавшейся «борьбы с космополитизмом» Паустовский не раз обвинялся официальными идеологами и критиками в безыдейности, аполитичности, уходе от действительности. Горский сурово напомнил об этом преподавателю на состоявшемся после открытого урока собрании педагогического коллектива и в свою очередь обвинил учителя в пропаганде буржуазных ценностей. А в качестве оргвывода потребовал его увольнения с работы.

И ведь не существовало в тех обвинениях Горского ничего личного (до злополучного урока они знать-то друг друга не знали). Здесь скорее яркий образчик слепого гипертрофированного партийно-идеологического рвения, в угаре которого отдельная человеческая жизнь как бы перестает существовать.

Жертвой такой зашоренности, идейной тупости и стал Николай Петрович. Ему сразу же припомнили и плен, и концлагерь. Он опять попал в категорию «подозрительных», «неблагонадежных» и лишился работы. Семья Апситов вынуждена была переехать на станцию Посевная, где Раиса Александровна стала преподавать в местной средней школе математику. Здесь, в Посевной, в январе 1948 и декабре 1949 годов у них родились еще две дочери: Татьяна и Вера.

Станция Посевная была в те годы красивым уютным поселком с большой привокзальной березовой рощей, на краю которой любители футбола, расчистив поле, все лето гоняли мяч. Перед местной школой был разбит чудесный цветник, благодаря которому цветы появлялись в каждом дворе поселка, а на ее задах располагался пришкольный участок. И то и другое — гордость учителей биологии.

Учительницей младших классов работала в школе Варвара Ивановна Грицук, мать будущего знаменитого сибирского художника Николая Демьяновича Грицука. После возвращения с фронта он тоже некоторое время преподавал здесь рисование. Между ним и Николаем Петровичем завязалась дружба.

Положение семьи Апсит, между тем, ухудшалось. Она росла, а прокормить ее на одну зарплату было невозможно. На преподавательскую работу Николая Петровича с «волчьим билетом» от облоно не брали. Он лихорадочно искал другие источники к существованию. И снова дала знать о себе «склонность к литературе», отмеченная еще в школе. Но если первоначально она сделала его учителем словесности, то сейчас повлекла к письменному столу с чистым листом бумаги.

2

В 1949 году Николай Апсит начал писать первую в своей жизни художественную вещь — повесть под названием «Разными дорогами». Вспомнилось, как отступали от литовской границы на восток. Нескончаемые потоки беженцев, среди которых было много детей с усталыми, измученными лицами. Представил на их месте кого-то из своих дочерей. Не случайно, малышка Наташа, вокруг которой в повести разворачивается немало событий, в какой-то мере списана с его старшей дочери, которой тогда также едва исполнилось два года. Ну а поскольку дети для него, отца троих дочерей и педагога, были всегда близки и понятны, то вполне естественно, что и основными героями своего произведения Николай Петрович сделал именно их.

Подростки из разных областей СССР приехали на летние каникулы в пограничный латвийский город повидаться с отцами — офицерами Красной Армии. Здесь их застает война. Начинается спешная эвакуация.

Обстановка первых дней и недель войны, атмосфера трагического «отката» на восток под напором превосходящих сил врага передана на страницах повести зримо и выразительно.

Вот отступающая воинская часть:

«...укрывшись плащ-палаткой, шинелями, пустыми вещевыми мешками, а то и просто одной пилоткой, натянутой на ухо, спали усталые бойцы» И эта «пилотка» стоит больше иных многословных описаний.

А вот ощущения одного из юных героев повести, впервые попавшего под бомбежку:

«Мощный грохот громадным невидимым камнем прокатился через него по земле. Почудилось, что мостовая под колесами... закачалась, как лодка от удара морской волны... Рев моторов раздался совсем близко. Три «Юнкерса» шли вдоль дороги. С переднего самолета посыпались черные точки, словно кто-то проткнул ему брюхо. Через мгновение точки пропали и раздался зловещий свист... Свист быстро рос, переходя в душераздирающий вой... Он проникал не в уши, а во все тело, становясь все нетерпимей и вытеснял последние обрывки мыслей... Снова вой — и снова кто-то большой и страшный тряс землю, стегая невидимой плетью, бил, ломал и коверкал все кругом».

Чтобы нарисовать такую картину, надо было самому подобное пережить и перечувствовать. Но еще и суметь пропустить через детское восприятие. А оно несколько иное, чем у взрослого.

«Мальчишкам это очень нравилось, — отмечает писатель. — Все точь в точь, как на фронте: тревоги, опасности, маскировка от противника». Они «даже немножечко сожалели, что фашисты ни разу не бросили в их сторону бомбы, а то бы они показали, как ведут себя настоящие мужчины».

И очень скоро судьба предоставит им не один такой случай, испытывая их на жизненную стойкость, мужество

Наступающие немецкие войска захватывают группу эвакуированных жен и детей советских военнослужащих в плен, а вскоре и разлучают детей с родителями. Матерей отправляют в Германию, а ребятам предстоят тяжелые и долгие мытарства.

Сначала их раздают «на воспитание», а точнее в качестве бесплатной рабочей силы богатым латышским крестьянам, в большинстве своем поддерживающим фашистов. В работниках оказывается не лучше, чем в немецком плену. Изматывает тяжелый, подневольный труд. Ребята не лодыри, не белоручки. Советские дети, они знают, что «человеку по работе воздается честь». Но здесь другой труд — не творческий, не созидательный для общего блага, а тупой, одуряющий, «без участия мысли», на пользу ненавистного кулака-стяжателя. И это угнетает больше всего.

Не улучшает их положения и враждебное отношение со стороны младшего поколения латышских кулаков. Им, воспитанным в атмосфере стяжательства и эгоизма, не понять своих русских сверстников с их совсем еще недавно счастливым пионерским детством в советской стране. Правда, показывает писатель, и латышское крестьянство не одним мирром мазано. Местные батраки сочувствуют русским ребятам, относятся дружески и даже помогают им со временем совершить побег...

А думать о побеге Сережа Пахомов с ребятами начали, едва оказались в работниках. Правда, надеясь найти остальных товарищей и получить какую-нибудь информацию о своих матерях, откладывали. Поторопиться заставил подслушанный разговор, из которого было ясно, что пришел приказ собрать их всех и отправить в так называемый «приют», или, по выражению одного из полицаев, «обыкновенную морилку», откуда «ни один живой... не выйдет».

Но не так то просто осуществить задуманное. И если б не помощь латышских мальчишек-батраков и некоторых крестьян, ненавидевших фашистов (один из них даже дал беглецам лошадь), побег мог бы и не состояться. Как видим, и автор акцентирует на этом внимание, не только взрослые, но и дети разных народов сообща боролись с фашизмом.

Совершив побег, юные герои повести начинают полный опасностей, трудностей и лишений путь «через все преграды» к линии фронта, к своим. Ребята идут по фашистским тылам, рискуя снова попасть в плен или быть убитыми. По дороге немцы отбирают у них лошадь. Положение осложняется тем, что на руках у подростков больная двухлетняя девочка. Но мир даже в грозное военное время не без добрых людей, которые помогают им в пути, чем могут.

Огромной удачей для беглецов стала встреча с бывшим комендантом пограничного гарнизона городка капитаном Беляевым. Он берет их под свое начало и ведет дальше.

«С появлением Федора Ивановича дети сразу приободрились. Одно сознание, что рядом находится умный взрослый человек, готовый в любую минуту прийти на помощь, ободряло ребят». Как у военного человека имелась у него крупномасштабная карта, «поэтому шли теперь уже не наугад, а по намеченному и продуманному маршруту». Однако чем ближе к фронту, тем труднее становилось. «Питались лишь картофелем и овощами, которые удавалось раздобыть по пути. Ночами жестоко мерзли. В довершение всех бед обувь на ногах ребят развалилась». Но тяжелый этот поход был продиктован суровой необходимостью, поскольку «места, по которым они последнее время продвигались, были дотла разорены» и «задерживаться здесь на зиму — значило обречь детей на голод и холод». Было еще обстоятельство, заставлявшее Беляева вести ребят на восток: он верил в неизбежное наступление наших войск, а с ним на скорое благополучное вблизи фронта освобождение.

Чем дальше, тем сильнее закручивается сюжетная пружина. Из группы беглецов ребята под командованием Беляева постепенно становятся небольшим отрядом, который в меру своих сил и возможностей ведет с врагом партизанскую войну. Они добывают оружие, совершают диверсии, размножают и расклеивают листовки...

С продвижением к линии фронта юных героев книги ждут все новые приключения. Но они не высосаны из пальца, как это нередко случается в приключенческой беллетристике, а рождаются стремительно меняющейся обстановкой. Правдивость и достоверность практически всего происходящего в повести не вызывает сомнений. Сказался уникальный военный опыт Николая Петровича, прошедшего когда-то путь своих героев. Но, наверное, он не так бы много и значил для автора художественного произведения без способности писать, с одной стороны, по-настоящему увлекательно, а с другой — психологически убедительно и художественно образно.

И уже в первой своей повести Николай Аписит сумел проявить эти способности. Насыщенное событиями и сюжетными поворотами повествование, предельно динамично и по-своему кинематографично: один кадр-эпизод сменяет другой, еще более напряженный, захватывающий. В то же время, как верно подметил первый рецензент этой повести Борис Рясенцев, «главное не в той несомненной занимательности, какой обладает описанное сцепление внешних обстоятельств, главное — в том, что в большинстве случаев при этом убедительно раскрывается внутренний мир героев».

А главные герои повести — дети на войне, дети, жизнь которых война расколола надвое, бросила в свой жестокий пожар, откуда не всем им удалось выйти. И именно они, мальчишки и девчонки, волею страшных обстоятельств оказавшиеся в военном пекле, стали наиболее живыми и зримыми фигурами произведения. Запоминается и серьезный, обстоятельный, но не лишенный горячего мальчишеского воображения Сережа Пахомов, пылкий, склонный к преувеличению и даже хвастовству, несколько несобранный Илья Самохин, рассудительная, спокойная, уравновешенная Инна Булычева, вспыльчивая Вера, «презирающая» мальчишек. Запоминаются и эпизодические персонажи: деревенские ребята Тимофей и Никита, организовавшие подпольный штаб по борьбе с фашистами, латышский пастушок Рудис, который поджег ригу своего хозяина, чтобы помочь русским ребятам, сын кулака Петро.

Не скажу, что писатель достиг какой-то особой глубины раскрытия характеров юных героев (приключенческий жанр, в лучших традициях которого повесть написана, этого,

кстати, и не предполагает), но они индивидуальны, и наиболее существенное в каждом из них автору высветить вполне удалось. Прежде всего, конечно, благодаря хорошему знанию детской психологии и души.

Важно и то, что характеры эти не статичны. Они в движении, в ускоренном в условиях войны формировании и развитии. К концу повествования Сережа Пахомов и его друзья совсем не те, что на первых страницах. Они уже не «играют в войну», как на первых порах, а становятся настоящими борцами с врагом, готовыми к самопожертвованию, к подвигу.

И свой подвиг Сережа и его друзья к финалу повести действительно совершают — поджигают немецкий склад с горючим.

«...Шпагат путается в непослушных руках Сергея. Сердце страшными толчками гонит в мозг не кровь, а ужас: все тело заполняет один крик: «Бежать! Бежать!»

«А бензин?.. Они хотят Москву отсюда бомбить!.. — мелькают в сознании мальчика слова старика-партизана. — Москву!»

И хотя страх не проходит, но пальцы настойчиво заканчивают свое дело...

...Готово! Можно уходить. Властная сила, как пружина, подбрасывает Сергея с земли. Не чуя ног, он мчится к тому месту, где видна фигурка Ильи.

Впереди бежит Тимофей. Он с размаху ныряет под проволоку и, завязнув, бьется в ней, как птица в силке...

Вдруг из земли с тяжким уханьем вырывается лавина огня. Темнота отскакивает далеко, обнажая дорогу, бараки, сторожевую будку. Горячее дыхание пламени обжигает лицо Сергею.

...Они мчатся к кладбищу. Подъем становится круче. Сзади — крики, пальба.

Сергей не слышит свиста пуль. В создании только одно слово: быстрее! Ему чудится, что теперь и пламя гонится за ним вместе с гитлеровцами. Грудь разрывается от напряжения, мускулы ног немеют, тело становится непослушным и тяжелым, будто наливается свинцом...».

Это один из самых «зрелищных» и захватывающих эпизодов произведения. И не только в чисто приключенческом плане. Автор достаточно убедительно передает психологическое состояние подростков в момент предельного напряжения физических и духовных сил.

Впрочем, здесь только пик. А самому процессу восхождения на него посвящены фактически все предыдущие страницы повести. Мы видим, что смелости, даже отчаянности ребятам не занимать, что они готовы прийти на помощь всем, кто в ней нуждается. Не раздумывая, Сережа бросается на фашиста, поднявшего руку на его мать. В другом эпизоде также без колебаний спасает он упавшую в колодец маленькую дочь ненавистного кулака-хозяина. Но порывы эти скорей инстинктивные, нежели осознанные. А ребячьи мечты о подвигах до времени не выходят за рамки воображаемой ими романтической военной игры:

«Сережа решил: как только они доберутся до своих, он станет разведчиком. Их группу пошлют в глубокий тыл к врагу с заданием. Сергей уже знает повадки немцев и задание выполнит. Пусть погибнет, но выполнит! Впрочем, умирать не хотелось, даже мысленно, потому что со смертью обрывалась чудесная цепочка грез...»

И один из главных вопросов, на который пытается ответить автор в повести, что же помогало его героям преодолевать не только физические преграды, встречавшиеся на пути, но и самих себя?

Ну, во-первых, это были советские ребята, вышедшие, к тому же, из семей профессиональных защитников родины. И, в повести автор не раз акцентирует внимание на том, что и ненависть к фашизму, и стремление к борьбе с ним — естественное самочувствие советских детей, воспитанных с младых ногтей в духе патриотизма, гуманизма и высоких нравственных идеалов.

В повести то и дело сопоставляются и противопоставляются «два мира»: советский, социалистический, и тот, что породил законченных стяжателей и фашизм. Происходит это и через своеобразные дискуссии ребят противоположных социальных лагерей, и через описание злодеяний фашистов, и через образы кулаков и полицаев. Автору важно, чтобы его читатель почувствовал разницу между двумя мирами, убедился в преимуществе того, который отстаивают «положительные» герои произведения.

И невольно вспоминается участие писателя в молодежной антисталинской организации. Думается, однако, что противоречия тут нет. Негативно относясь к «отцу народов», Аписит не отождествлял его с самим советским строем, принципиальным противником которого, им же и возвращенный, Николай Петрович не был. Да и повышенной идеологизированностью, надо сказать и повесть эта, и другие его произведения не отличались.

Большое влияние на формирование юных героев повести оказывают их взрослые наставники, такие, как капитан Беляев, или сельская учительница Надежда Яковлевна.

Разделяя желание ребят быстрее победы над врагом, Иван Федорович остерегает их от безрассудства, анархии, желания цели любой ценой:

«Мы должны победить. Понимаешь: победить! То есть уничтожить фашизм вообще, а самим остаться в живых и победу отпраздновать.

— И отпразднуем.

— Отпразднуем, если каждый советский человек будет действовать с умом, строго выполнять приказы и распоряжения старших».

Не на словах, а на деле, в ходе их походного бытия учит Беляев выдержке, хладнокровию, точному расчету. Да и личным примером, собственным поведением, где находчивость и осторожность сочетаются с мужеством и целеустремленностью, он преподносит важные уроки ответственности, дисциплины, подлинной и мнимой храбрости.

Примечательна в данной связи сцена, где Беляев производит «разбор полетов» своей диверсионной группы (он Сережа, Илья), которой по вине последнего, самовольно оставившего пост, чтобы посмотреть, как будут ставить мины, не удалось взорвать мост. Мальчишке очень хотелось доказать свою храбрость, но он не задумался о последствиях.

«Капитан покачал головой:

— Нет, то не храбрость, а глупость... Каждый нормальный человек боится смерти... Смел не тот, кто нарочно ищет опасность или очертя голову бросается навстречу ей, а тот, кто не теряется в трудный момент, находит в себе силу воли победить страх... Человек разболтанный, недисциплинированный не может быть храбрым, — продолжал Федор Иванович. — Случайно он может совершить смелый поступок, но это проявление храбрости так и останется случайным. В другом месте этот «смельчак» или сбежит, или безрассудным ухарством погубит и себя, и товарищей. В основе настоящей храбрости лежит дисциплина и осознание долга перед товарищами, перед своим народом».

Так капитан Беляев подводит своих подопечных к пониманию *истинного героизма*, в основе которого лежит осознанная необходимость.

Казалось бы, ну что тут такого — спилили Сережа с капитаном несколько телеграфных столбов! На самом же деле — нарушение связи, чреватое фашистам многими неприятностями. Или вот добытая где-то Надеждой Яковлевной листовка, которую она поручает переписывать-размножать самым надежным ребятам, чтобы затем распространить ее среди населения оккупированной территории. Тут-то что героического? Но учительница убеждает ребят, что правдивое слово — тоже мощное оружие.

Так что повесть содержит в себе еще и серьезный педагогический заряд, способствующий формированию в юных читателях лучших человеческих качеств. Чем, пожалуй, особенно ценна.

Повесть педагогична, но не ощущается в ней голой назидательности. Автор счастливо избегает ее. Истины, которые постигают юные герои, рождаются как бы из самой практики текущего существования. Не забывает писатель и того, что основные персонажи его книги — дети, которые, несмотря ни на что, и в самые трудные моменты остаются детьми. В тяжелейшем походе по немецким тылам они в минуты отдыха мечтают, что станут «делать, когда кончится война». Мечты эти именно детские, наивные, и автор говорит о них с доброй иронией.

Взрослые персонажи автору удаются меньше. Живее и в целом убедительнее получился Беляев. Но хорошо видны и слышны в повести практически все персонажи. Автору хватает двух-трех выразительных штрихов, чтобы создать запоминающийся портрет. Вот, к примеру, каким впервые увидел Сережа Пахомов своего литовского хозяина-кулака:

«В образовавшемся просвете показалась грузная фигура высокого старика-крестьянина. Рот старика плотно прикрывала густая швабра серых с подпалинами усов. Глубокие черные морщины пересекали его бритое лицо вдоль и поперек, отчего медно-бурая кожа на щеках, подбородке и шее казалась потрескавшейся, как глинистая земля на сухом ветру».

Не менее образна речевая характеристика офицера-эсэсовца в одном из эпизодов повести:

«Заговорил он не губами и языком, а одним горлом, отчего слова изо рта выкатывались, будто камни-голыши по доске. ...То, что вырывалось из его искривленного рта, мало походило на человеческую речь». А когда одна из русских женщин-пленных спрашивает подругу, «по-каковски» он говорит, та отвечает: «По-фашистски... Такого языка нам не доводилось слышать».

Это указывало на немалые изобразительные возможности начинающего автора. С особой наглядностью как словесный живописец проявляется он в пейзажах и картинах природы. А их — полных сочных красок и звуков — в повести немало.

«Восходило солнце. Его еще не было видно за деревьями, но вершины разбросанных кое-где по березнику высоких дубов и кленов горели теплым светом, будто облитые из желтой меди. Ярче заискрилась листва тонконогих березок, звонче становился пересвист малиновок и щелканье синиц в ветвях. Где-то за перелеском зазвенел жаворонок, словно кто, играя, подкинул вверх стеклянный колокольчик. Чистый хрустальный звук потрепетал и смолк. Потом колокольчик подкинули смелее и выше. Наконец, швырнули высоко-высоко в самое поднебесье, и он, зацепившись там за невидимую паутинку, залился непрерывной трелью».

Картины природы Николай Аpsит пишет с душевным трепетом, с неизбывной к ней любовью. И прав Владимир Сапожников, утверждая, что его проза — «пламенный гимн природе, ее красоте, мудрости, щедрости». Впрочем, гимн гимном, но картины природы здесь (да и вообще в творчестве Осинина) играют еще и важную роль в структуре повествования. Пейзажи четко соответствуют той или иной конкретной ситуации, подчеркивают, оттеняют ее, придают особенные окраску и звучание.

«Солнце закатилось. Жаркое светлое небо постепенно мутнело, холоднело. Дымная мгла обступила со всех сторон западную часть горизонта; тяжелая и упорная, она навалилась сверху, ползла с боков, стирая последние светлые тона догорающей вечерней зари... Мрак, густой мрак опустился на землю! Лишь кое-где на редких островках далеких облаков едва мерцали красноватые отблески закатившегося светила»

Если предыдущий пейзаж — это только начало эвакуации, когда еще все — и дети и родители — в сборе и ничего пока страшного не произошло, то картина заката солнца оттеняет совсем другую ситуацию: немцы наступают полным ходом, оставляя пыль и дым от своей бронетехники, а эвакуированные уже в плену, в концлагере. И от этого она обретает символическую окраску. И совсем уж мрачно-зловещая картина «окаянной осени 1941 года»:

«По пустынным полям, вытоптаным, изрытым танками, по лесам, иссеченным осколками мин и снарядов, тоскливо шелестели ветры, заметая пепел пожарищ, дорожную пыль и сорванную с деревьев рыжую листву. Там, где по советской земле прошли гитлеровские полчища, только закопченные печи, покрытый сизой окалиной железный лом да обгорелые головни построек указывали, что здесь стояли села, деревни, что здесь кипела жизнь. Бесчисленные свежие могилы — большие и маленькие, одиночные и братские — темнели возле дорог, у околиц сожженных селений. В глухих лесах и оврагах волки обжирались трупами. Кое-где печально волновались серо-желтые перезревшие хлеба. Но не грохотали комбайны, не стрекотали крылатые жатки, не звенели косы. Осенний ветер обмолачивал тугие колосья. Полегли перестоявшие на корню льны, чернела гнилая ботва невырытого картофеля, тлело в покосах сено».

Финал повести одновременно трагичен и оптимистичен. В операции взрыва склада горючего погибает Илья, тяжело ранит Сережу. Очнулся он уже у партизан, командиром которого оказывается... его отец, майор Пахомов. А заканчивается повесть и вовсе мажорным аккордом: происходит долгожданное соединение с регулярными частями нашей армии.

Не все, конечно в равной мере удалось молодому писателю. Но главную свою задачу — в увлекательной форме рассказать о героизме советских ребят, оказавшихся в тяжелейших обстоятельствах начала войны, о формировании их характеров — он выполнил.

3

Литературного опыта у Николая Апсита не было, но написалась повесть довольно быстро. Подстегивало безденежье. В письме редактору облгосиздата Малюковой Николай Петрович писал, что, сознавая художественную «сырость» рукописи, посылает ее «на просмотр» по той причине, «что моя экономика скрипит всеми колесами, и скрип этот больно отзывается в мозгу...»

В июне 1950 года главный редактор Новосибирского областного книжного издательства извещал автора, что повесть «Разными дорогами» принята. А уже осенью 1951-го она появилась на книжных прилавках. Правда, вышла под другим названием — «Через все преграды», и автором ее значился Николай Осинин.

Сегодня можно только предполагать, почему Николай Петрович выбрал этот псевдоним. (Осинин — буквальный русский перевод латышской фамилии Апсит). Скорее всего, толкнуло его на этот шаг все та же пресловутая «борьба с космополитизмом», когда любая нерусская фамилия казалась подозрительной. Но как бы там ни было, дебют состоялся, и литературная судьба Николая Осинина началась.

Начиналась она в целом удачно. Критика оценивала состоявшийся дебют достаточно объективно и благожелательно, отмечала, что в литературу пришел талантливый перспективный писатель. Книга «Через все преграды» имела большой читательский успех. В библиотеках и школах Новосибирска и области по ней устраивали читательские конференции с приглашением автора книги. Достаточно сказать для примера, что только за последнюю декаду марта 1952 года у Осинина прошло более десятка выступлений. Повесть инсценировало для популярной передачи «Театр у микрофона» Новосибирское радио. И еще долгие годы она будет одним из любимых произведений наших подростков.

Очень тепло появление молодого прозаика встретили новосибирские коллеги по писательскому цеху. Несмотря на то, что жил Николай Петрович по-прежнему в Посевной, он быстро и органично влился в литературную среду Новосибирска, о чем, в частности, свидетельствует его тогдашняя переписка со многими местными писателями: Юрием Сальниковым, Борисом Рясенцевым, Александром Смердовым, Юлием Мостковым и др. А один из старейших писателей Сибири Глеб Пушкарев, судя по тем же письмам и свидетельству дочерей Николая Петровича, и вообще относился к нему просто

по-отечески. Разглядев в практически незнакомом молодом человеке недюжинный литературный талант, Глеб Михайлович не жалел на его «огранку» ни времени, ни сил, помогая начинающему автору и словом, как говорится, и делом. Помимо доброго человеческого общения, это была еще и прекрасная литературная школа, столь необходимая новоиспеченному писателю.

Такая благожелательная атмосфера, поддержка и участие со стороны местной писательской братии не могли не окрылить. Николай Осинин с воодушевлением берется за новые вещи.

Логично было бы предположить, что он продолжит военную тему, которая принесла ему удачу и которая еще очень долгое время могла оставаться для него хорошим творческим источником. Ведь, кстати говоря, скольких поэтов и писателей осининского поколения питала и кормила она до их последних дней! Но копать ее глубже Осинин, не умевший приукрашивать, «лакировать» действительность, по всей видимости, не решился. Тем более что, несмотря на появление книги «Через все преграды», реальная угроза ареста висела над Николаем Петровичем как бывшим узником фашистского концлагеря вплоть до 1953 года. Все это время в углу комнаты их квартиры в Посевной, по свидетельству Раисы Александровны Апсит, жены Осинина, стоял собранный на случай ареста чемодан. И понятна та радость, которую испытал Николай Петрович, когда пришло известие о смерти Сталина.

«Смерть Сталина, — вспоминает дочь Осинина Татьяна Николаевна Апсит, — запомнилась мне поразительной картиной: папа, мама и бабушка Мария Семеновна (она приехала со Смоленщины, чтобы ухаживать за нами, внучками) сидят за столом и пьют ВОДКУ! Дело в том, что отец никогда не пил, даже военные «сто граммов» не приучили его к спиртному, поэтому водка на столе была делом невиданным. Но взрослые не только пили, но еще и плакали, а папа все время повторял: «Сдох, тиран!» Ничего подобного я прежде не слышала, потому и запомнила так отчетливо».

Впрочем, не исключено, что имелись и другие причины сменить курс. Возможно, Осинин просто не захотел стать пленником одной, пусть и неисчерпаемой, темы. Как бы там ни было, после выхода повести «Через все преграды» он обратился к жизни детей уже мирного времени.

Работает Николай Осинин в это время, несмотря на проблемы со здоровьем (последствия перенесенного в 1952 году инфаркта давали о себе знать) много и плодотворно. В журнале «Сибирские огни» и новосибирском альманахе «Золотые искорки» выходят его рассказы Борискины карпы (1952), «Палочка-выручалочка» (1954), «Часы», «Сила воли», «Без имени», «Общественное поручение» (1957), цикл рассказов «Солнечный дождик» (1958). Последний был переведен на латышский язык и дал название сборнику произведений сибирских писателей *Saules letus*, выпущенному Рижским книжным издательством в 1960 году. (Переводчик А. Талцис писал в письме к Осинину: «Я считаю их наилучшими среди мною переведенными рассказами этого сборника»). В издательствах Новосибирска и Тюмени также появляются его сборники. В 1959 году выходит в Детгизе и первая московская книжка Николая Осинина «Солнечный дождик». Он все увереннее заявляет о себе как талантливый детский писатель.

4

Чем в первую очередь берут читателя рассказы Николая Осинина? Прежде всего, психологической достоверностью детских характеров и правдивым воссозданием ребячьего мира. Писатель в нем свой, хорошо его чувствует, понимает. И умеет достучаться до сердец тех, кому адресует свои произведения. Ему удастся взять нужный тон: с юными читателями он на равных — не подлаживается под них, не сюсюкает, как часто это бывает, а всерьез говорит с ними о серьезных вещах. Хотя поводы для этого

могут быть и весьма, на первый взгляд, незначительные. Как, например, в рассказе «Борискины карпы».

Маленький Бориска увязался за старшим братом и его друзьями, отправившимися порыбачить в пруду соседнего поселка. Обычное, казалось бы, дело. Но, как выясняется, не совсем. Ребята намереваются наловить карпов для развода в своем пруду. Бориске тоже хочется участвовать в этом важном деле, и он упрямо тащится за старшими. Его упорство вознаграждено — Бориске единственному из всех мальчишек удается выудить большого карпа, а местный рыбовод для осуществления благородного замысла мальчишек сетью выловил еще несколько. В знак признания старшие ребята доверяют Бориске выпустить карпов в свой пруд. Но рассказ привлекает не этой, достаточно банальной фабулой, а стремлением автора на конкретной ситуации показать, как уже в раннем детстве рождаются краеугольные задатки будущего характера — упорство, целеустремленность, сопротивляемость, как входят в сознание ребенка общественные интересы.

Ничего особенного не происходит и в рассказе «Палочка-выручалочка». Но, во-первых, автору удастся увлекательно рассказать о нехитрых ребячьих забавах и играх, а во-вторых, через них показать характеры детей и донести до юных читателей нечто очень важное. Игра в палочку-выручалочку становится путем примирения заклятых недругов Игоря и Леньки. Ну а истинной палочкой выручалочкой в отношениях людей, всем ходом рассказа подчеркивает автор, является дружба, которая сближает и объединяет больших и малых.

«...Трудно переоценить воспитательное значение этого рассказа, действующего не только на ум, но и на сердце ребят-читателей. Очень добрые чувства он вызывает, хорошую товарищескую выручку он прославляет, учит подражать настоящим человеческим отношениям... И все в рассказе необходимо, уместно, художественно обоснованно — каждая деталь, каждый образ. Поэтому-то «Палочка-выручалочка» и относится к произведениям подлинного искусства», — отзывался о рассказе еще один детский писатель-сибиряк той поры Юрий Сальников и с ним нельзя не согласиться. Впрочем, были об этом рассказе и другие мнения (см. ниже).

Не менее поучителен другой рассказ Николая Осинина — «Без имени». Здесь тоже начинается все с мелочи, безобидного, вроде бы, пустяка. Главному герою рассказа Павлику Веретенникову, когда наступает пора давать на проверку дома школьный дневник, не блещущий хорошими отметками, приходит в голову идея подменить его незаметно на дневник соседа по парте — отличника Вершинина, «обернуть в новую бумагу, написать свою фамилию и показать». Сказано — сделано. Только вот незадача: на всех страницах дневника Вершинина стоит подпись его родителей. А еще Павлик обнаружил между страниц сторублевую бумажку. И он встает перед выбором: сказать или не сказать правду, в какую сторону двинуться на этом распутье? Павлик решил скрыть правду. И очень скоро окажется, что путь, на который он ступил, не только ложный, но и скользкий, опасный. Дома Павлика разоблачили, и он, чтобы «спастись от позора», решил бежать. Сел зайцем на ближайший поезд, который отправлялся в Сибирь. И начинаются приключения...

Сначала Павлику приходится ехать на подножках. Злополучный дневник он тут же выкинул и, не имея никаких других документов, стал человеком «без имени». Потом его берут под свою опеку пассажиры поезда, молодые целинники, которым он на ходу придумывает легенду о причине своего путешествия. Вскоре из их бесед он понял, что людям его возраста на целине делать нечего, везде работают взрослые. «Впервые... Павлик попробовал всерьез задуматься о своем будущем». И будущее это вырисовывалось нерадостным. В сибирском городе, куда он приехал, Павлика тоже никто не ждал. Зато «приголубили», взяли к себе «на работу» грабители. Он понял это, когда крепко оказался у них «на крючке», став участником разбойного нападения на женщину.

На остром динамичном сюжете рассказа автор показывает, как крохотный и безобидный, на первый взгляд, камешек лжи во спасение может вызвать большой,

чреватый очень серьезными нравственными последствиями обвал. Однако судьба героя рассказа хоть и драматична, но не беспросветна. Главное, что Павлик Веретенников находит в себе силы не покатиться дальше под откос. Автор оставляет читателя в надежде, что у его юного героя еще есть шансы вернуться в лоно здоровой человеческой жизни.

Правда, некоторые критики (В. Побожий) нашли, что в данном рассказе Николай Осинин оказался несвободен «от банальных сюжетных решений. Сколько уж раз писали о том, как подросток, случайно оторвавшийся от семьи, привычной среды, ищущий легкой и веселой (в его представлении) жизни, оказывается вдруг в кошмарных объятиях уголовного мира, рисуемого по самому примитивному шаблону».

Писали-то писали, но во-первых, «уголовный» поворот сюжета — лишь один из целой череды других (он, конечно, заостряет, драматизирует общую ситуацию, но не становится краеугольным в этой истории), а во-вторых, вовсе и не «по самому примитивному шаблону», а достаточно ярко и выразительно встреча Павлика с уголовниками описана.

В своих произведениях Николай Осинин настойчиво внушает юным читателям мысль о том, что все большое начинается с малого, что именно в делах и заботах самой обыденной жизни формируются важнейшие человеческие качества. Такие, например, как сила воли.

Два друга, Яша и Рома из рассказа «Сила воли», считают, что самым главным достоинством человека является сила воли. Но что это на самом деле такое и как проявляется? Кого можно считать волевым, а кого — безвольным? Ответам на эти вопросы и посвящен рассказ. К утверждению их учителя Степана Степановича о том, что «силу воли надо тренировать на самых простых делах», например, заставлять себя рано по утрам делать зарядку или «аккуратно выполнять домашние задания», друзья отнеслись с недоверием. Правда, Яша решил попробовать «взять и получить пятерку по русскому». И вдруг понял, как это очень непросто: что-то отвлекало, что-то казалось в данный момент более важным. А Рома, настроенный к словам учителя еще более скептически, в финале рассказа своим поведением красноречиво подтверждает его правоту. Он бросает тонущего в речке одноклассника, не сумев в нужный момент проявить силу воли.

И этот рассказ, и другой — «Часы», где автор осуждает хвастовство и тщеславие, Юрий Сальников, отмечая в них, как и в других произведениях Осинина, «чуткое внимание к психологии детей, ясный выразительный язык», находит художественно более слабыми, чем «Палочка выручалочка». «В них нет полной гармоничности всех деталей, полной завершенности и той цельности, которая отличает «Палочку-выручалочку». Рецензент прав, пожалуй, только в отношении рассказа «Часы», который на фоне всего творчества писателя действительно кажется бледноватым. Но едва ли можно согласиться с утверждением того же Сальникова, что «все в рассказе («Сила воли» — А.Г.) выглядит чрезвычайно конспективно, отчего резко обозначилась заложенная в основу повествования схема. Очевидно, Николай Осинин зря втиснул в рамки рассказа такой сюжет». Ничего он, конечно, специально «не втискивал» — так написано. И не думаю, что произведение стало бы лучше, раздуй его писатель до повести. Тем более что Осинин всегда стремился к емкости, компактности текста, что, кстати, тоже исходило из учета детской психологии: громоздкое повествование противопоказано восприятию ребенка. Потому, наверное, и писал Николай Петрович рассказы да небольшого объема повести.

Своеобразной повестью в рассказах видится цикл лирических новелл «Солнечный дождик». Сквозным, объединяющим его героем стал маленький Тимошик, постигающий красоту, величие и многообразие окружающего мира.

На улице весна, и мальчика переполняет восторг от ее красок, света и запахов.

«Ясная, чистая наливалась заря, наряжала землю по-праздничному, и далеко вокруг видно было. Гремел и рассыпался под ногами просушенный за ночь ледок на дороге. В это время казалось, что воздух так же сух и хрупок и также мог колотиться и звенеть, как ледок.

Тимошик ждал, когда из-за леса солнышко выглянет. Сначала лишь светлым глазком подмигнет ему. Потом встанет большое, ясное — как будто на краю земли ворота распахнули».

Картины весны, сами по себе очень красочные и поэтичные, существует в цикле не просто фоном, а как часть душевного состояния ребенка, тончайшие оттенки которого в этом лирическом повествовании переданы прекрасно. Пропущенные через его взор, весенние пейзажи по-своему отображают и характеризуют самого Тимошика с его томлением души, стремлением «всюду поспеть, все увидеть, услышать».

«Запах ли талой земли и воды или с каждым днем молодевшее солнце пробудили в Тимошике что-то, чего раньше он никогда не испытывал. В нем как в стволе дерева, точно сок тронулся. Куда-то тянуло, чего-то хотелось, а чего — не понять... Снились тревожные сны». Мальчику «хочется вобрать в себя этот запах. И, кажется, если вберешь много-много, то подними руки — и взлетишь птицей. Поплывешь над поселком, над лесом, над степью, как во сне бывает».

Маленький Тимошик — очарованный созерцатель, у которого, по словам его бабушки, «сердчишко больно чуткое, как струна серебряная, на все откликается». Но он, как впрочем, и большинство юных героев Осинина, еще и мечтатель, выдумщик, фантазер. И это тоже Осинину удастся передать через восприятие Тимошиком картин природы. Начала ночи, в частности.

«День угас. Укатилось за дальние леса чудо-солнышко. Тишина стала холодной и прозрачной, будто ледком подернулась, лишь соловей часто-часто щелкает по ней стеклянным молоточком. Неслышно поплыла ночь на черных мохнатых парусах, темно-синей водой из морских омутов залила костер на краю земли. Укуталось море дымчатым покрывалом и спит. А может, прикидывается, хитрое, ждет, чтоб другие уснули?... Вот всплыла русалка-луна, протянула чешуйчатый хвост, бросила в небо горсть камней-самоцветов и принялась колдовать. Теперь все в ее власти: и море, и небо, и Тимошик...»

Реальность в воображении мальчика, что совершенно естественно для ребенка, постоянно мешается с чем-то фантастическим, рождая своеобразную детскую мифологию окружающего мира. И не случайно так пришлась по душе Тимошику рассказанная бабушкой сказка про ясноглазую волшебницу Веснянку, приносящую людям радость, образ которой проходит через весь цикл.

Бабушка — чрезвычайно важная в этом лирическом повествовании фигура. Для открывающего мир Тимошика она первый в его жизни поводырь и наставник. Ведь это ее способность «все красивое замечать» перенимает Тимошик. Бабушка учит смотреть на мир не одними глазами, но и сердцем. В общении с нею Тимошик учится видеть и понимать не фальшивую, как в «волшебном» бутылочном стеклышке, а настоящую красоту, которая без человека и правды — «обман один». И вообще, внушает внуку бабушка, на правде все держится, даже «хорошая сказка на правде стоит». А когда Тимошик просит бабушку научить его «сложить волшебную-преволшебную сказку», она мудро отвечает: «Научить этому, дружок нельзя, а научиться — можно. Ты больше к людям приглядывайся, да примечай, что в каком человеке главное». И советует «побывать в краю нерассказанных сказок, чтобы научиться их складывать». А край тот — в подтексте — сама жизнь, в которой для мальчика каждый день будут все новые открытия.

И далеко за ними ходить не надо. Надо только зорко подмечать даже самое, вроде бы, не существенное. Эту истину Осинин красноречиво иллюстрирует в эпизоде, где бабушка с Тимошиком находят лесной родник. Казалось бы, ничто не указывает на его существование. Так, во всяком случае, мальчику кажется. Но бабушка уверенно выходит к роднику и объясняет: «Возле родничка в любую погоду трава живет-зеленеет, а около настоящего человека — дело».

Сопоставление это сделано не для красного словца. Тимошик в правоте бабушкиных слов убеждается на примере других близких ему людей: мамы своей, которую прозвали «крылатая душа», потому что она, агроном, по целинным полям, как на крыльях, летает;

мамино друга Филиппа Васильевича, который «красивей всех работал». Каждый по-своему, они тоже формируют личность маленького Тимошика.

Филипп Васильевич однажды берет Тимошика с собой, чтобы показать ему рукотворное море в степи. Чуть ли не целый день они едут до него. И вот еще одно открытие — теперь уже красоты, созданной человеком. Но, восхищаясь морем, мальчик неудержимо хочет назад, к родным местам.

«Знал Тимошик и прежде, что земля велика. Сейчас она для него еще шире раздвинулась. Много на ней солнца и хороших людей. Но где бы ни пришлось бывать ему, хоть в краю нерасказанных сказок, никогда не забудутся ему родная Урмань с Чарушей под горкой».

Так заканчивается цикл «Солнечный дождик» Юному герою приходит важное предощущение того, что широкие горизонты всегда начинаются с какой-то исходной точки, что Родина большая неразрывно связана с родиной малой, и без глубокой искренней любви к одной не может быть любви к другой.

Итоговый этот вывод, подчеркивает в своем отзыве на «Солнечный дождик» рецензент Ан. Бегаев (Н. Яновский) «закономерен. Он подготовлен всем ходом незамысловатых, но значительных в жизни мальчика событий. Читатель словно участвовал в создании Тимошиной сказки-были, он словно присутствовал при рождении в душе мальчика светлого и чистого чувства любви к родной Урмань, любви к Родине». И это действительно так.

5

1950-е годы Николай Осинин завершает повестью «Земля мужества». Она тоже направлена на воспитание в детской душе любви к родной земле, природе, к человеку-созидателю.

Главного ее героя, тринадцатилетнего Никиту, живущего в большом городе, отец, директор алтайского целинного совхоза, увозит на лето в свое хозяйство. Мечтательный, грезящий космосом мальчик оказывается совсем в другом, «приземленном», измерении. «Собираясь на Алтай, Никита мечтал о веселой бивачной жизни на берегу реки или озера, о ночных кострах, о рыбалке», но вместо этого попадает в недостроенный поселок посреди необъятной безводной степи, и ему становится понятным значение выражения «чертовы куличики».

Но долго предаваться унынию ему не дают ни бурлящая вокруг жизнь, ни местные его сверстники. Один Лева Швабля — первый, с кем Никита познакомился в поселке, — чего стоил! Баламут и плут, озорник и пакостник, он носился по поселку «из конца в конец, как ракета с поврежденным рулем», попадая в самые невероятные ситуации сам, и «подставляя» других. Он едва ли не самый колоритный детских персонажей повести. Благодаря ему жизнь Никиты приобрела «стремительный темп».

Стремительность эта, а с нею и удивительное ощущение степного простора, хорошо переданы через восприятие Никиты с его космическими фантазиями, впервые севшего за руль мотоцикла: «Трусу быстро не ездить, а смелый сядет на мотоцикл — словно наденет сказочные башмаки-скороходы. Далекое близким становится. Лес, что синел, чуть видный на взгорке, через две-три минуты мелькнет мимо, оказавшись лесной полосой. Одним духом перемахиваешь через целое хлебное море. И мотор не реактивный, а летишь, как на ракете». Никитой овладевает «ни с чем не сравнимое счастье владения машиной. Оно было такое настоящее, осязаемое, что казалось, его можно брать в охапку, словно огромный букет цветов».

И это совершенно новое, не иллюзорное, не фантастическое, а земное и прекрасное ощущение рождает в мальчике тягу и любовь к технике. И уже не удивляешься, что «с того времени, как попробовал управлять трактором, а потом проехал на мотоцикле, его неудержимо тянуло к мотору», что теперь увлекательнее любой повести стала для него

книга «Двигатель внутреннего сгорания» и что когда ребятам поручили отремонтировать списанный грузовик-полуполторку, Никита оказался самым деятельным участником мальчишеской бригады.

Отец не раз говорил Никите, что труд — естественная, данная ему от природы, потребность человека. Но ее раньше мальчик не испытывал. И только здесь, на ремонте машины, он, как впрочем, и все другие ребята их команды, по-настоящему почувствовал, что такое труд в интерес, радость и удовольствие. Тем более с таким командиром, как их Шура, сама еще не так давно расставшаяся с детством, а потому прекрасно понимавшая своих подопечных.

Самостоятельная работа пробуждала в ребятах не только радость и удовольствие, но и, что тоже очень важно, чувство ответственности: «...никому из мальчишек... не пришло в голову небрежно бросить какую-нибудь деталь... Ведь не утиль-сырье собирали».

Но, наверное, Осинин не был бы Осининым, не установи он своим героям неожиданных «преград». Сначала это — заведующий мастерскими Андрей Савельевич, который пытается прибрать к рукам отремонтированный ребятами мотор. А когда машина готова к эксплуатации, директор совхоза, отец Никиты, забирает ее для других нужд. Ребята обижены. Выходит, взрослые затеяли ремонт машиной только для того, чтобы чем-то занять их. Но они не хотят «для забавы». Им надо «по правде работать: камень, песок возить на строительство». И если старшие отнеслись к затее с машиной, как к педагогическому приему, то младшие хотят всерьез участвовать в жизни совхоза.

Идя им навстречу, директор совхоза находит ребятам другое занятие: поручает искать в окрестностях поселка песок и глину для строительства. «Так они отправились за песком и приключениями». И приключения не заставляют себя ждать.

Ничего, впрочем, невероятного в них нет. На пути своих изысканий ребята выходят к ферме и становятся свидетелями чудовищного факта: пастух выливает в ручей молоко из бидонов. Оказалось, что со вчерашнего вечера на отгон не приходила машина, отвезившая молоко на маслозавод, поэтому животноводу ничего не оставалось делать, как выливать прокисший удой, чтобы освободить тару для нового. Взяв у пастуха велосипед, Никита мчится сообщить о случившемся в контору. Как и всегда у Осинина, здесь тоже хорошо ощутимо напряжение момента: «Воздух горячий, как в парной бане, разрывал грудь. Пот заливал лицо. А Никита все жал и жал на педали — до коллик в боку, до красных кругов перед глазами». На полпути он натывается на злополучную машину с маслозавода, в которой спит пьяный водитель...

Сегодня можно рассуждать о соцреалистическом штампе в подобного рода эпизодах, о том, что тьмы и тьмы таких, мчащихся сломя голову куда-то и о чем-то предупреждать героев прошло по страницам книг и фильмам тех лет. И доля истины в том есть. Но не надо забывать и о времени, когда писалась повесть. Сегодня это может показаться смешным и сверхнаивным, но Никита, поступает в повести как и должен поступить настоящий советский человек — непримиримый к преступной халатности, болеющий за народное добро. И показать становление подобной личности явилось одной из задач автора.

Есть в повести «Земля мужества» место и доброму юмору, и незлобивой иронии. Например, в истории с коровой, которую они на опушке леса со страху приняли за медведя. Повесть вообще, надо сказать, несмотря на то, что в ней поднимаются весьма важные нравственно-воспитательные проблемы, получилась светлой, веселой, и жизнелюбивой.

Жизнь в совхозе с ее реальными трудовыми заботами, настоящим делом, к которому становится причастным и он, оказывают на Никиту серьезное влияние. Она многому научилась. «Теперь руки сами просили дела. Он уже не мог пройти равнодушно «мимо разбитых носилок, разбросанного кирпича, недовернутого шурупа».

Воздействует на Никиту и степная природа, с которой в ее естестве городской мальчик сталкивается впервые в жизни и которая здесь предстает перед ним в своих

неповторимых красках и звуках. Так, прекрасна и впечатляюща под пером автора повести открывающаяся перед Никитой картина утренней целинной степи в уборочную страду:

«Небо в редких звездах. В звездах лиловая степь; как усталое тело, гудит она — это машины идут, мигая фарами». Красив и заповедный лес, в который, как и в целинную степь, влюбляется Никита. И любовь эта, и незнакомое ему раньше чувство ответственности за все его окружающее толкают мальчика на самоотверженный (если не сказать — безрассудный) поступок: встретив в заповедном лесу браконьеров, убивших ручную косулю, он с голыми руками бросается на них...

Кроме того, что за повествовательное время Никита сильно изменился, здесь, в целинном совхозе, обрел он свою «малую» родину. Эта земля, эти просторы, так не понравившиеся ему поначалу, стали парнишке родными и дорогими.

Смущает, правда, скорость, с какой «перековывается» главный герой повести. Но это можно отнести на счет стремления писателя динамично и в темпе решить поставленную художественную задачу, и его «неумения» да и нежелания писать пространно.

Не совсем удачным видится и весьма претенциозное, мало отвечающее содержанию произведения название, больше годящееся для публицистической статьи, нежели художественной вещи. И все же повесть «Земля мужества» стала заметным явлением в детской литературе 1960-х годов.

6

«Солнечный дождик» и «Земля мужества» вывели Осинина на всесоюзную орбиту. Взаимоотношения Николая Петровича со столичными изданиями и издательствами складывались, однако, непросто, о чем свидетельствует его переписка с ними.

Отношения эти начались еще в середине 1950-х годов. Уже тогда он посылал свои произведения «на пробу» в Москву. И не всегда получал умный, квалифицированный доброжелательный ответ. Бывало, нарывался на непонимание, некомпетентность, высокомерие, а то и хамство.

За его плечами была полная драматизма, в том числе и педагогическая, судьба, а ему из журнала «Пионер», например, наставительно писали: «Вы недостаточно знакомы с жизнью детского коллектива», «Вам нужно глубже познакомиться со школьной жизнью, подружиться с ребятами, войти к ним в доверие, и тогда Вы откроете много проблем, которые по-настоящему глубоко волнуют ребят».

Никогда не обижался Осинин на конструктивную критику, много работал с редакторами издательств, доводя по их замечаниям до нужных кондиций текст, но Николая Петровича коробило, когда упрекали его, скажем, в «утрате гайдаровской способности в самых «нежных» лирических произведениях разговаривать с ребятами НЕ ЗАБЫВАЯ и НЕ СТЕСНЯЯСЬ (выделено автором письма — А.Г.) крупнейших, простейших и вечно живущих с нами политических истин, политической принадлежности, например, ребят к детской коммунистической организации, взрослых — к партии, к Советской родине» и призывали его к «творческому утверждению своей писательской программы партии». Меньше всего думал он как о всякого рода «программах», так и о партийной пропаганде и рекламе посредством художественного слова.

Как всякий настоящий художник, был Николай Осинин и самолюбив, и упрям, и гордость собственную имел, и свое мнение, и цену себе знал. Человек по жизни мягкий, интеллигентный, добрый, отзывчивый, он становился жестким, неуступчивым, когда задевались его жизненные и творческие принципы. Обладал Николай Петрович и по-настоящему бойцовским характером, без которого ему с его сильно подорванным здоровьем и трудной, если не сказать — искореженной, судьбой было бы просто не

выстоять. В литературе — тоже. Он умел «держать удар». Но и спуску при случае не давал.

В конце 1950-х Осинин писал в редакцию «Уральского следопыта» по поводу отказа опубликовать его повесть «Земля мужества»: «Меня задел не отказ журнала печатать мою повесть, а барски пренебрежительный, необъективный тон рецензента Щеголева». (Повесть, кстати, следом же была напечатана в «Сибирских огнях»).

Никогда ни с кем Николай Петрович не соглашался слепо, не брал «под козырек», не вытягивался в струнку перед издательскими и прочими чиновниками и литературными авторитетами. Всегда имел собственное мнение и отстаивал художественную независимость. Но делал это взвешенно, аргументировано.

Красноречивым тому примером может служить письмо Осинина в Детгиз, где он излагает сомнения по поводу некоторых замечаний и высказываний Юрия Сотника (известного советского детского писателя, автора популярнейшего в свое время рассказа «Архимед» Вовки Грушина — *А.Г.*), написавшего внутреннюю рецензию на его сборник «Солнечный дождик».

«Гораздо проще было бы принять все замечания — их немного, они доброжелательны и, главное, что девяносто процентов их относится к рассказу, который не будет включаться в сборник (имеется в виду рассказ «Сила воли» — *А.Г.*), — писал Николай Петрович главному редактору Детгиза В. Компаниецу. — Меньше было бы волокиты, переписки и больше надежды, что сборник будет издан Детгизом. Но... не могу не поделиться некоторыми своими мыслями...

В рецензии т. Сотника мне бросается упрек, что я проявляю «полную беспомощность в построении сюжета» (странный упрек для такого мастера сюжета, как Осинин — *А.Г.*). Упрек этот весьма серьезный, для детского писателя особенно. Есть над чем задуматься мне как автору. Бесспорно, что сюжету в произведении принадлежит организующее, так сказать, начало. Но мне кажется, также бесспорно и второе: сюжет (как и другие компоненты) должен служить раскрытию характера героя, его духовного мира. Сюжет — не самоцель, в противном случае произведение превращается в клубок занимательных ситуаций, где вместо живых людей действуют условные персонажи (именно этого Осинин всеми силами избегал — *А.Г.*). Недаром Пришвин учил: «Писать надо так, чтобы и без сюжета читалось». Я не считаю эту мысль Пришвина бесспорной, очевидно, истина заключается в том, что художественный замысел (повторяю: художественный, а не идейный) определяет и характер избираемого автором сюжетного разрешения.

В работе автор может допустить те или иные просчеты, не полностью реализовать свой художественный замысел. Но это другое дело. Тогда рецензенту или критику надо уяснить эти ошибки и помочь писателю найти самого себя. Очевидно, такие ошибки и просчеты есть у меня — их не может не быть, я слишком еще малоопытный автор. Но вот такой-то настоящей помощи, основанной на понимании авторской манеры письма, скажу откровенно, я и не вижу в рецензии т. Сотника».

Далее в том же письме Осинин пишет:

«...Я до слез хохочу над его (Сотника — *А.Г.*) чудесными рассказами. Но в душе всегда чуточку недоволен тем, что его образы статичны, что в них нет развития, диалектики характеров персонажей. Значит ли это слабость его характеров? — задается вопросом Осинин. — По-моему, нет: таков избираемый писателем Ю. Сотником способ решения своих идейных замыслов. Это позволяет делать автору рассказы «крепко сколоченными» (а по сути строящимися на одном центральном событии)». И добавляет, что если бы ему пришлось писать рецензию на Сотника, то он бы постарался, «поняв манеру писателя, помочь писать ему еще лучше именно в его манере».

«Я не смею утверждать, насколько крепко скомпонован материал в моих рассказах. Это дело критики разобраться в данном вопросе», — писал Осинин и удивлялся, почему опытный Сотник не замечает, что во всех его рассказах не одна, а целая цепь сложных,

последовательно нарастающих событий и ситуаций, «раскрывающих диалектику развития характеров героев». И добавляет: «Таков мой художественный замысел: раскрывать героя не на отдельном событии, как бы интересно оно само по себе ни было, а показывать движение души ребенка, показывать развитие образа на основе ряда ситуаций, связанных между собой определенным идейным замыслом. Мне казалось (и опытные литераторы подтвердили мне это), что такой жанр маленькой *повести-рассказа* несомненно имеет право на существование.

Ю. Сотник утверждает, анализируя мой рассказ, что «автора усадила за письменный стол не одна какая-нибудь четкая, поразившая его мысль, которой ему захотелось поделиться с читателем, а желание поговорить о силе воли вообще, без какого бы то ни было плана».

Я вынужден самым решительным образом возразить: как раз меня поразила именно одна мысль. В 1948 году весной на пруду близ г. Черепаново произошел такой случай. Четверо ребят плавали на лодке, перевернулись. Один из них почти не умеющий плавать. Его товарищ, знавший это, стал ему помогать. Но, вместо того, чтобы держаться за своего спасителя, тонущий начал отталкиваться от него. Я очень хорошо запомнил слова этого паренька: «Уйди!.. А то хвататься начну, утоплю!..» Так, отталкиваясь от спасителей, он и добрался до берега, боясь, как бы не утопить человека. Меня тогда поразило: какое же благородное чувство самоотверженности было воспитано в этом человеке!.. Вот я и захотел поделиться... этой поразившей меня мыслью. Однако если бы я построил рассказ только на одном виденном мною событии, то, естественно, возникло бы сомнение в его достоверности, в том, что поведение героя логически оправдано его характером. Или, наконец, просто выглядело бы случайным. Следовательно, надо показать характеры в определенном развитии. Только в этом случае отдельный факт становится типическим... Это-то и определило сюжетное построение рассказа.

...т. Сотник старается доказать, что рассказ «Сила воли» «сумбурный», что после известного случая, когда Димка заставляет себя перейти через ручей, «уже все ясно», «и даже устами учителя выведена соответствующая мораль». Рецензент не хочет видеть, **как** (подчеркнуто Осининым — А.Г.) воспринимается эта мораль детьми. Нужно было целое сцепление событий, чтобы Яша наконец начал разбираться в своем друге, «симпатичном», на первый взгляд, Ромке. Не хочет рецензент замечать и того, что значительная часть событий происходит только благодаря умному учителю, очень тонко знающему своих воспитанников. ...Он очень точно рассчитанным педагогическим ударом разрушает дружбу двух хулиганистых лоботрясов, которые черпали поддержку друг в друге...

«В результате, что же получилось? — восклицает рецензент. — Разговор о силе воли... топчется на месте». В ответ я могу только сказать, что рецензент не видел того, чего не хотел видеть. Очевидно, собственная писательская манера т. Сотника оказалась значительно сильнее, нежели критическая беспристрастность и вдумчивость, необходимые рецензенту.

В своей рецензии т. Сотник вскользь касается и рассказа «Палочка-выручалочка», также усматривая в нем «слабость сюжета». Но ведь и там, как и во всех моих рассказах, есть «второй план», есть развитие характеров, и понимать его так примитивно, как это делает рецензент, нельзя».

В той же своей рецензии Ю. Сотник, высказываясь по поводу «Борискиных карпов», предлагал Осинину поменять героев местами: чтобы не старшие ребята, за которыми увязался малыш, а сам Бориска был бы воодушевлен идеей заселить пруд своего поселка рыбой. На что Осинин в упомянутом письме отвечал: «Мне кажется, совершенно неправомерным делать малыша «борцом за социалистического карпа». Думается, что «пережим» в этом отношении просто повредит целостности и правдивости характера Бориски».

Письмо это многое проясняет не только в художественной позиции Николая Осинина, но и в творческой технологии, приоткрывает дверь его писательской кухни. И

показывает, с каким глубоким пониманием и профессионализмом Николай Петрович относился к литературной работе, насколько скрупулезно ее выполнял. А еще это письмо, в котором Осинин отстаивает свободу авторской манеры, — в определенной мере предметный урок рецензенту, не пожелавшему увидеть его творческое «я».

И все-таки, 1950-е годы, особенно их вторая половина, стали для Николая Осинина самым счастливым периодом его жизни. И в литературном плане, и в житейском.

Несколько улучшилось здоровье. Николай Петрович снова начал ходить на охоту. Сразу после войны он был вынужден отказаться от любимого занятия, и вот вернулся к нему вновь. Вместе с приятелями-охотниками и любимым спаниелем Ураном, который сделается героем его теплого, полного проникновенного лиризма рассказа «Длинноухий друг» (последнего произведения писателя), Осинин мог сутками пропадать в лесу или на Линевом озере, богатом в те времена рыбой. Независимо от количества трофеев, возвращался он всегда в приподнятом настроении.

Вспоминая об Осинине, с которым он был в добрых товарищеских отношениях, Владимир Сапожников приводит один очень примечательный, подчеркивающий особенность натуры Николая Петровича, эпизод.

«...Мы охотились вдвоем в глухом углу Маслянинского района. Шел ноябрь, зима стояла ядреная, с крепкими морозцами, заяц давно побелел, вызрел. Охота была построена так. Один в белоснежном масхалате становился на чистом месте в конце таловой карчи, а другой, продираясь сквозь заросли, выпугивал зверьков. Очередь выпугивать была моя, и, дождавшись, когда Николай Петрович, неслышно обойдя с подветренной стороны лог, встал под большой березой, я пошел... И вдруг уже в конце лога что-то огненное, пушистое выбросилось из-под снега, языком пламени взметнулось вверх, метнулось прочь Лиса!.. Я не вспомнил даже о своем ружье, не успел, но лиса летела прямо на тройник-березу, за которой в масхалате прятался Николай Петрович. Он-то не промахнется, не растеряется: играючи «снял с неба» белых куропаток с семидесяти метров, да еще в ветреный день. Сейчас, сейчас — выстрел, и рыжая беглянка подпрыгнет, взметнется вверх и... погаснет в снегу. Но выстрела не последовало. Я видел Николая Петровича, не сомневался, что и он прекрасно видит лису, он «вел» даже стволами, а между ним и лисой было метров пятнадцать-двадцать... Вдруг лиса взвилась в высоком красивом прыжке — вверх и сразу в сторону, — она увидела охотника и, молнией стелясь по снегу, помчалась прочь, поджарая, стройная, легкая, стремительная...

—Ты видел? — со слезами на глазах спрашивал меня Николай Петрович, когда я подошел. — Ты ее видел? Как она прыгнула! Она же... она глянула мне прямо в глаза.

Он вытирал слезы и смеялся, смеялся радостным детским смехом...

—Что же ты не стрелял? — все-таки несколько обиженный пренебрежением к моим трудам, спросил я. — Она же была рядом...

Как стрелять? В кого стрелять? Зачем? Впрочем, о моем бестактном вопросе он вскоре забыл, и целый день вспоминал, как лиса прыгнула и побежала по снегу, и смеялся своим чистым светлым смехом».

Здесь весь Николай Осинин с его чувством прекрасного, любовью к природе, подлинно гуманистической натурой.

15 февраля 1957 года Николая Осинина по рекомендациям Глеба Пушкарева, Юрия Сальникова, Афанасия Коптелова и общего собрания Новосибирской писательской организации приняли в Союз писателей СССР. Георгий Марков, Сергей Залыгин, Николай Яновский, Павел Сажин, Сергей Баруздин, Савва Кожевников и ряд других известных советских писателей послали ему в связи с этим событием поздравительные телеграммы. А это уже само по себе говорило, что коллеги-литераторы приняли его в свою творческую семью как равного среди равных. Итак, в 1957 году Николай Петрович был официально утвержден в профессиональном статусе, хотя, конечно, окончательно и бесповоротно на литературные рельсы он встал гораздо раньше.

В шестидесятые годы Николай Осинин входил с немалыми надеждами. В Москве и Новосибирске готовились к изданию очередные его книги. Творческая колея была им вроде бы нащупана. Оставалось и дальше держаться ее — писать о жизни современных советских школьников. Но спустя полтора десятилетия вдруг напомнила о себе война, и властно повлекла Николая Петровича в Мясной бор, на места былых сражений и былой трагедии. Не давал спать образ спасавшей его медсестры. Ее налитые невыносимой болью и смертным ужасом глаза заставляли просыпаться в холодном поту. Видение это приходило все чаще, становилось все пронзительней и настойчивей. И все больший груз вины и неоплатного долга перед нею, его спасительницей, и всеми теми, кто остался лежать в Мясном бору, давил на плечи.

Летом 1960 года Осинин решил на поездку в Новгородскую область.

В Мясном бору Николай Петрович познакомился с местным лесничим Орловым. Это был удивительный человек. С юношеских лет на свой страх и риск занимался он разминированием района боев, густо нашпигованного смертоносным железом, и захоронением останков погибших советских солдат. Вдвоем с Николаем Петровичем они обследовали территорию, где была окружена фашистами 2-я армия генерала Власова, составили карту советских и немецких укреплений этого района, и в конце концов Осинин нашел то, что так упорно искал — ту самую воронку, где покоились останки женщины в полуистлевшей форме военной медсестры. Вместе с Орловым они вынесли их и захоронили на местном кладбище. Но еще тысячи принявших здесь смерть советских солдат и офицеров ждали своего часа....

До конца жизни лесничий Орлов продолжал свое опасное дело. Он и погиб здесь же, в Мясном бору, подорвавшись однажды на вражеской мине. А дело продолжил его сын.

Впечатления от той поездки были настолько сильными, что Николай Петрович по возвращении немедленно засел за «взрослую» повесть под названием «Мертвый лес».

Она как раз и начинается с того, что главный ее герой Алексей Боравлев возвращается на места, где «в сорок втором сомкнулось вокруг их армии неприятельское кольцо». Он видит мертвый лес, ставший теперь и своего рода памятным знаком, и горестной эпитафией той трагедии, и символом, «хотя Боравлев не знал, что должен выразить этот символ: разруху? Неизлечимые раны войны? Неистребимую живучесть природы? Мужество и стойкость борца, который и после смерти продолжает стоять за свое дело? Как и в великом произведении искусства, каждый здесь увидит то, что в силах постичь».

Боравлев шел по лесу, вспоминал детали и подробности тех страшных дней и «думал, что эта земля, лес — свидетели его пребывания здесь, и только у них он может найти подтверждение, что шел на прорыв здесь вместе со всеми...»

Герой повести задается вопросом, который, несомненно, мучил и самого писателя: зачем он здесь, для чего вернулся сюда? «Живой пришел к мертвым за помощью и просит защиты у мертвых. Нелепо? В нелепости высший смысл. Чтобы жить, подчас надо иметь больше мужества, чем умереть. Разве честному солдату, исполнившему свой долг, позорно оставаться в живых?» — размышляет Буравлев, озвучивая мысли самого Николая Осинина, подтвердившего их справедливость собственным жизненным примером.

Судя по началу, повесть обещала быть вещью не только художественно яркой и сильной, но и предельно честной, правдивой. Николай Петрович собирался использовать для ее создания весь свой военный багаж, хотел показать войну во всей ее неприглядной наготе, откровенно высказать то, что он о ней думает.

А его отношение к войне и человеку на войне далеко не всегда совпадало с тем, что о ней писали тогда и показывали. Даже если за этим стояли имена самых авторитетных и влиятельных деятелей литературы и культуры.

Показателен в этом отношении отзыв на рассказ Михаила Шолохова «Судьба человека», который Николай Осинин послал в конце шестидесятых в «Литературную газету». Рассказ тогдашней критикой был безоговорочно принят «на ура». Но у Николая Петровича оказалось «особое мнение». Он считал, что шолоховский рассказ «скорее принижает честного человека, чем возвеличивает его», «а с этим, — писал он, — мириться я не могу, как не могу мириться и со слепым поклонением авторитету пусть даже великого писателя...».

На чем основывалась точка зрения Осинина? Он считал, что Шолохов «плохо знает описываемую им в рассказе жизнь», что как ни старается автор доказать, что Андрей попал в плен в силу безвыходности положения, объективно получается, что сдался герой добровольно. Прав ли был Осинин в своих утверждениях, нет ли, но его точка зрения опиралась на собственный трагический опыт и гораздо более глубокое знание предмета (Шолохов действительно никогда не видел войну из окопа).

Впрочем, и время «окопной правды» тоже еще не пришло. Пока только «разведку боем» вела «лейтенантская» проза: только-только появились первые произведения Юрия Бондарева, Николая Курочкина, Григория Бакланова, Анатолия Ананьева. Впереди были повести и рассказы Евгения Носова, Виктора Астафьева, а еще дальше — Валентина Распутина, где приближение к истине и правде будет более заметным, а жизнь рядового воина, наконец-то, начнет лишаться сусальной позолоты.

Что же касается той трагической больной правды, которую хотел сказать о войне Николай Осинин, то на ней и вообще еще лежало табу. Так что ни малейших перспектив эта честная и искренняя, во многом, видимо, автобиографическая повесть, затрагивавшая самый пока что «неприкасаемый» материал истории Великой Отечественной войны, быть опубликованной не имела. Лгать же Осинин не хотел, писать «в стол» до лучших времен не умел. Наверное, поэтому, энергично взявшись за работу, Николай Петрович дальше вступления и еще одного небольшого отрывка практически не двинулся. Оба они, представленные как рассказы «Мертвый лес» и «Ожидание», увидели свет лишь четверть света спустя в журнале «Сибирские огни», когда началась так называемая «гласность». Публикацию эту подготовила вдова Осинина Раиса Александровна Апсит.

Тем не менее, военная тема снова надолго взяла Николая Петровича в плен.

Он возвращается к испытанному им уже способу ее изображения — через судьбы оказавшихся в ее горниле детей. В 1960 — 1961 годах появляются рассказы Николая Осинина, посвященные детям военного времени, «Соль» и «Бурей».

В них Осинин очередной раз старается показать, насколько неоднозначна в своих проявлениях была Великая Отечественная война, какими неожиданными нюансами она подчас открывалась.

Уже начальные фразы рассказа «Бурей» задают ему трагическую тональность. «Отец Титка погиб от немецкой бомбы на призывном пункте в первый же день войны. Когда немцы заняли деревню, они убили и Титкову мать: она хотела скрыть от немецкого командования колхозный мед... Остались Титок с пятилетней сестрой Клавдинькой сиротами». Положение — сложнее некуда. Бросить все и отправиться искать партизан — Титок не мог. На руках малое дитя, которому тринадцатилетний брат и за мать, и за отца. Но мысль о мести прочно засела в мальчишеской голове.

И вот однажды немцы объявили жителям деревни, что ночью во время пожара сбежал сошедший с ума раненый немецкий солдат, которого надо обязательно поймать. За это обещали мешок муки. Во время облавы Титок с односельчанином Гринькой на своем огороде находит лежавшего в воронке немца. И встает перед тяжелой для него проблемой: как поступить с этим измученным, загнанным своими же соотечественниками в угол, безоружным и беззащитным человеком — следуя слепому чувству мести, или поступая по совести и справедливости? Не выбирает он поначалу ни того, ни другого: «— Не хочу за него хлеб получать, но и помогать немцу не стану». Но дальше наступает неожиданный поворот. Гринька сообщает, что это не просто немец, а немец-антифашист и коммунист

Макс, который был арестован гестаповцами за распространение листовок среди своих солдат. И это заявляет Гринька Булкин! Еще и утверждает, что сам привел его сюда, на огород и укрыл в воронке. Тот самый Гринька, у которого отец — полицей-предатель, выдавший мать Титка, и которого самого все деревенские ребята считали предателем.

С Гринькой Титок учился в пятом классе. «То ли за буйный вспыльчивый нрав, то ли за смелые беспощадные набеги на чужие сады в деревне ему дали прозвище Бурей». И вот Бурей, неожиданно оказываясь полной противоположностью своему отцу, верой служившему фашистам, спасает немца-коммуниста.

Ребята прячут Макса у Титка в избе, но маленькая Клавдинька проболталась о нем подружкам, и Булкин-старший не замедлил нагрянуть. Прибежавший следом Бурей пытается отбить Макса, а когда это не удается, стреляет из украденной ракетницы в отца, которого давно уже перестал считать таковым.

Можно сказать, еще один Павлик Морозов, только уже в условиях военного времени поднимающий руку на отца во имя высшей справедливости и победы добра над злом.

До самой финальной точки, как он умеет это делать, держит автор своего читателя в напряжении. Но и сомнение закрадывается в достоверности происходящего. Слишком неожиданна метаморфоза Бурей. Ни психологически, ни художественно она достаточно не подготовлена.

На это, кстати, критика обратила внимание сразу же после появления рассказа. В частности, В. Побожий в рецензии на сборник «Соль» («Сибирские огни», 1963, №7) указывал на беглость и приблизительность психологического рисунка рассказа. «Сложность и драматичность обстановки, в которой оказывается, например, Бурей, вынужденный для защиты своей правды стрелять в отца и убить его, не обнаружили у автора желания показать, как его Гринька смог стать настоящим героем... В конце концов, остается непонятным, как Гринька, живя с отцом, который стал потом предателем, оказался способен все-таки подняться на такую высоту нравственного героизма. Гринькина душа остается загадкой».

Остается добавить, что здесь не произошло как раз того движения характера, развития образа, за которые, вспомним полемику с Сотником, ратовал Николай Осинин и которые есть важнейший фактор достоверности и правдивости. Развития образа не достает и Титку. Но он более достоверен хотя бы потому, что ему, как Бурею, не приходится по воле автора вдруг «выворачиваться наизнанку».

Психологически более точен рассказ «Соль». Его героиня, четырнадцатилетняя Марийка Забелина, очень чувствительная, тонкая натура. «С первого дня оккупации Марийкино сердце обрело какой-то особый инстинкт: оно даже во сне чуяло, когда приближались фашисты». Случайно став свидетельницей пыток пойманного фашистами партизана, девочка от пережитого потрясения теряет дар речи. Но не присутствия духа. Марийка хочет помочь партизанам. Истязаемый немцами партизан, заметив ее, намеренно громко говорил, что в отряде не хватает брюквы и еще некоторых овощей и что совсем плохо с солью, без которой и пища — не пища. Девочка отправляется по дворам собирать соль. А речь на самом деле, как оказалось, когда Марийка навестила деда Сазоныча, шла о патронах и других боеприпасах. Так партизан иносказательно пытался донести до своих нужную информацию. И вот ночью вместе с дедом Сазонычем Марийка под пулями доставляет необходимые боеприпасы партизанам.

Такова фабула. Интересна, впрочем, не столько она, сколько сама Марийка. И прежде всего то, как в этой невзрачной щупленькой девочке, оказавшейся в напряженнейшей ситуации, проявляется весь ее удивительно богатый запас нравственных качеств.

Не все юные герои этих рассказов художественно равноценны, но никому из них не откажешь в индивидуальности и самобытности. Как и в типичности, фокусирующей лучшие качества советских детей военной поры.

Рассказы «Соль» и «Бурей», при всем их самостоятельном художественном значении, видятся, тем не менее, своего рода репетициями перед созданием еще одного, более масштабного произведения о «детях на войне» — повести «Журавлиный яр», написанной уже в середине 1960-х годов.

8

1961 год ознаменовался для Осининых большим событием: Николаю Петровичу Союзом писателей была выделена трехкомнатная квартира на улице Бурлинской, которую до этого занимал Пушкирев, и семья из Посевной переехала в Новосибирск.

Очень скоро это новое жилище превратилось в нечто вроде неофициального литературно-интеллектуального клуба. Писатели Новосибирска и других городов Сибири охотно навещали эту уютную и всегда гостеприимную квартиру. Частыми гостями Осининых были новосибирские писатели Юлий Мостков и Владимир Сапожников, Николай Яновский и Юрий Сальников, Борис Рясенцев и Елизавета Стюарт... Бывал в этой квартире молодой еще тогда Валентин Распутин, обязательно заходил, наезжая в Новосибирск, Виктор Астафьев. Другом Осинина с послевоенных лет оставался Николай Грицюк. Николай Петрович любил людей, интересные встречи. Люди тоже тянулись к нему, как к магниту. Причину такого «тяготения» хорошо его знавший Николай Яновский объяснял так:

«Невозможно определить силу, меру обаяния человека. Оно есть или его нет — иного, промежуточного, не дано. Воздействие человеческого обаяния всегда неотразимо и — необъяснимо. Может, обаяние личности — это ум и доброта, жизнелюбие и веселость, принципиальность во взглядах и беспощадность к угодничеству и пошлости? Не знаю. Знаю лишь, что все это было свойственно Николаю Петровичу. Как и многое другое, например, мужество, стойкость, верность дружбе... Проще сказать, его нельзя было не любить».

В квартире Осининых можно было говорить без оглядки, высказываться о наболевшем с той мерой откровенности, какая немыслима иной раз даже на страницах собственных произведений. Какие словесные баталии разгорались здесь подчас! Как вспоминает старшая дочь Осинина Наталья Коваленко, «мы, дети, любили сидеть в уголке и слушать их беседы, споры, воспоминания, их жаркие разговоры об искусстве, о задачах литературы, о судьбе страны. Как это было интересно! Какие удивительные люди жили рядом!»

А поговорить было о чем. Закатывалось нежаркое солнце «хрущевской оттепели». Она еще вселяла надежды, хотя уже становилось ясным, что эта недолгая вспышка дозволенной и дозированной гласности затухает.

Но верно говорится, что надежда умирает последней. В особенности у человека творческого. Казалось бы, нутром почуял Николай Петрович в процессе работы над «Мертвым лесом», что не пришел черед его правды. Но вот, поди ж ты, второй раз наступил на те же грабли. Да еще как наступил!..

К грядущему 20-летию юбилею Победы над фашистской Германией в 1965 году вся страна готовилась загодя. Литература и культура не были исключениями. Писались, посвященные этому великому событию книги, музыкальные произведения, создавались кинофильмы, готовились к постановке спектакли в театрах.

Соответствующим спектаклем о войне местного автора и фронтовика решил отметить юбилейную годовщину и новосибирский театр «Красный факел». А с предложением написать военную пьесу его руководство обратилось к Николаю Осинину.

Выбор может показаться несколько странным, если учесть, что в творческом багаже Осинина пьес до той поры не имелось. Но с другой стороны, местная драматургия в это время была скорее мертва, чем жива. А уж драматург-фронтовик — явление и вовсе реликтовое. Что касается Николая Петровича — участника Великой Отечественной войны

и автора знаменитой повести «Через все преграды», то совсем уж новичком в сценическом жанре он не был. В конце 1950 — начале 1960-х годов Осинин активно сотрудничает с радио и телевидением, пишет сценарии к радиопостановкам и телеспектаклям. В частности, на Центральном телевидении с его непосредственным авторским участием состоялись, имевшие немалый зрительский успех и вызвавшие множество (в том числе подростков) откликов телепостановки «Земля мужества», «Без имени», «Письмо другу». А работники Главной редакции телевизионных программ для детей и молодежи ЦТ, поздравляя Николая Осинина с одним из праздников, выражали уверенность, что на телеэкране появятся «новые, такие же интересные и увлекательные спектакли» по его сценариям. Драматургические задатки обнаруживаются и в его прозе, прежде всего в отточенных, емких диалогах. Так что выбор «Красного факела» можно считать вполне логичным и обоснованным.

Николай Петрович предложение театра, забыв недавние сомнения, принимает. Да и как можно сомневаться, если это, можно сказать, государственный заказ! Осинин засучивает рукава...

Пьеса в трех действиях и десяти картинах под названием «Пять секунд» Николаем Осининым была написана. В театре ее приняли горячо. Даже начали распределять роли. А дальше пошла «хождение по мукам», кончившиеся тем, что без какой-либо серьезной мотивировки цензура пьесу запретила, а спектакль по ней так и не был поставлен.

В чем же причина такой немилости, что насторожило «надзирающее око»? Чтобы попытаться это понять, заглянем в текст пьесы.

Действие ее происходит на оккупированной немцами советской территории. Рядом аэродром, откуда скоро должны взять курс на Сталинград фашистские самолеты. Под боком у немцев в лесном заказнике действует партизанский отряд под командованием бывшего председателя колхоза Карасева. Немцы боятся нападения партизан на аэродром, но не знают их точного местоположения. Его и пытается выяснить немецкая контрразведка в лице двух офицеров — риттмейстера Швенке и оберлейтенанта Кригера. Партизаны, в свою очередь, готовят удар. Но немцам везет: к ним попадает раненый начальник разведки отряда Лаврухин, которого выдает местная старуха Анна, признав в нем человека, несколько лет назад, в волну репрессий арестовавшего ее мужа, героя Гражданской войны. На допросах Швенке склоняет Лаврухина к предательству и по хитрой своей задумке отправляет обратно в отряд сообщить, что немцы вот-вот будут здесь и надо спасаться, надеясь тем самым вызвать панику и вынудить партизан выйти из леса, где их будет легче уничтожить. Планы гитлеровцев срывает внучка Анны Октябринка (Ринка). Схваченная фашистами, в финале пьесы она подрывает гранатой и себя, и обоих немецких офицеров.

Такова в самом общем виде сюжетная схема. По ходу действия интрига усложняется, заставляя следить за развитием событий с возрастающим вниманием.

По фабуле и всем внешним признакам перед нами типично приключенческая пьеса. И если б она таковой и была на самом деле, не имея за приключенческим фасадом ничего другого, то никаких проблем с ней у автора просто не возникло бы. Но писатель поставил куда более серьезную задачу. Многозначительно и весьма точно отражающее замысел произведения название пьесы. Пять секунд — столько времени проходит с момента освобождения гранаты от чеки и до ее взрыва. Николай Осинин как раз и ведет разговор в пьесе о тех кульминационных секундах человеческой жизни и решающих мгновениях народной судьбы, когда совершаемое действие, поступок при кажущейся, быть может, случайности, необдуманности или стечения обстоятельств на самом деле становятся закономерным итогом прожитого, подготовленного всей нравственной биографией. В ответ на реплику Лаврухина, что «на войне судьбы людей решаются минутами», Шенке говорит: «Даже секундами. И не только на войне. Но чтобы эти секунды были за, а не против нас, к ним надо готовиться, иногда годами. Настоящее держится... на позвоночнике прошлого». Так что «пять секунд» — это не всего лишь время сценического

эффекта, а своего рода развязка сложных социально-психологических процессов, выявляющих истинную суть целой жизни.

Того же Лаврухина, например. Почему его, не так еще давно ревностно избавлявшего страну от «врагов народа», Шенке сумел ловко и быстро взять «на крючок»? Потому что прекрасно понял — нет у того никакой идейной убежденности, а есть корысть и уверенность, что «истину делает начальство», и служить он станет любому хозяину, лишь бы сытым быть. Оттого и принимает Лаврухин без особых колебаний «во спасение» свое грех предательства.

Совсем иная «история» предательства у полицая Грибова. «Не от хорошей жизни в хомут идут, — говорит он. — Я, что ли, фрицев сюда напустил!.. Я, что ли, кричал: у нас лучшие танки! У нас лучшие самолеты! На чужой земле! Малой кровью!? А в бой меня с одной лопаткой погнажи. Лопаткой от танков отбиваться! Да кто, выходит, виноватый?..»

Это сегодня ни для кого не секрет, что вместо хваленых танков и самолетов нашим войскам подчас приходилось встречать врага практически голыми руками. Обо всем уже сказано-пересказано. Но на излете «хрущёвской оттепели» говорить о том открыто было, мягко говоря, не принято. Тем более, делать обобщения. «Показывать отдельные недостатки — можно, но не обобщать!» Идеологический, а вернее запретительный этот постулат и в литературе с искусством, и в публицистике советской весьма строго соблюдался до середины 1980-х, до времени горбачевской «перестройки».

Но Николай Петрович, видимо, слишком уверовал в тогдашнюю «гласность» и «потерял бдительность».

Правда, Карасев, с которым в пьесе Грибов объясняется, тут же старается дезавуировать выпад полицая поневоле, говоря, что «вот такое охвостье и балабонило, что ни попадя» Но попытка выходит какой-то неуверенной, словно по необходимости, а не по искренней убежденности сделанной.

В изображении своих персонажей, Осинин не рубит с плеча, не делит их на чистых и нечистых сугубо положительных и столь же отрицательных, безупречных героев и злодеев-предателей. За редким исключением, каждая фигура в пьесе неоднозначна. (Другое дело, что не всегда этой неоднозначности автору удается найти адекватное художественное выражение). Можно ли того же Грибова считать безусловным предателем, если он «ничего подлого своим не делает», а в полицаи пошел, потому что «жрать детишкам нечего было», а его самого «в Германию собирались угнать». Вот и встал он перед выбором, куда в таких обстоятельствах податься. К партизанами, но это грозило расстрелом всей его родни... А Ольгу, которую односельчане называют «немецкой овчаркой», а она хочет доказать, что тоже способна на подвиг? Или старуху Анну, которая, ослепленная мстью, выдала Лаврухина?.. Все в жизни гораздо сложнее, пытается убедить нас автор. Природа подвига и предательства в том числе.

Проблему подвига и предательства Николай Осинин в своих произведениях ставил в разных ее аспектах не раз. Но в пьесе она как два оголенных под высоким напряжением провода. Почти касаясь друг друга, они опасно искрят, готовые вот-вот «закоротить». И в финальной сцене такое, готовившееся всем ходом пьесы «замыкание» происходит: вчерашняя школьница Рина, дочь «врага народа» свой подвиг совершает. Как совершает свое предательство тот, кто сделал «врагом народа» ее отца.

Достаточно увлекательная по сюжету, пьеса «Пять секунд» куда интереснее именно своей социально-психологической и нравственно-философской наполненностью. То и дело в ней вспыхивают своеобразные споры-диспуты, касающиеся важнейших проблем человеческого бытия: между Швенке и местным доктором Охлопковым, Лаврухиным и Карасевым, Швенке и Ринкой... В каждом таком диалоге не только проявляются в том или ином свете персонажи пьесы, но и обнаруживаются взгляды, мысли, позиции самого автора. Даже по временам «хрущёвской оттепели» весьма смелые. Умного читателя или зрителя, например, едва ли бы могли обмануть слова Шенке о том, что «войны развязывают диктаторы. Гитлеры. Они стремятся к мировому господству». Совершенно

очевидно, что под «диктаторами», «Гитлерами» автор подразумевал не только немецкого фюрера, но и фюреров любых других национальностей и идеологических мастей, включая Сталина. И такой весьма прозрачный намек на близость по природе своей гитлеровского и сталинского режимов, конечно же, не мог не насторожить «компетентные органы».

Доктор психологии Швенке, интересующийся «некоторыми аспектами поведения русских», рассуждает и философствует в пьесе больше других. Он вообще самая, пожалуй, колоритная и едва ли не самая убедительная фигура пьесы. Поначалу даже вызывает симпатии, но чем дальше, тем лучше понимаешь, что это фарисей и демагог, скрывающий за «елеем общечеловеческого добра» истинное лицо циничного, расчетливого убийцы. Автор показывает очень умного, проницательного, коварного врага, тонкого психолога, который пытается почувствовать и использовать слабые струны противоборствующей стороны.

В одной из лучших сцен пьесы — допроса-вербовки партизанского разведчика — Осинин напрямую сталкивает бывшего следователя НКВД Лаврухина, «винтика» репрессивного механизма, с фашистским «коллегой» Шенке, которого интересует не только его личность, но и методы работы по «выбиванию» показаний. Этот достаточно неожиданный ход нужен автору не столько для закручивания сюжетной интриги, сколько для того, чтобы показать в своеобразной «дуэли» коллег-врагов, насколько родственными по духу могут оказаться как сами носители зла, так и те режимы репрессивного подавления, которые они собой представляют. И не случайно, когда Лаврухин приводит слова «одного высокого руководителя» о том, что «если на подозрение попал настоящий коммунист, он с радостью пройдет все испытания, чтобы доказать свою чистоту перед партией, а сломается — то какой же он коммунист», Шенке восклицает: «Вот это здорово! Молодец!.. Его бы сюда, на ваше место, мы бы мигом столковались».

Тень предвоенных репрессий лежит на всей пьесе «Пять секунд». Тот, с чьим именем они в первую очередь связывались, уже почил и «культ» его был Н.С. Хрущёвым осужден. Но продолжала существовать система, оставались в большом количестве и те, для кого сталинский режим и сама фигура диктатора были по-прежнему образцом крепкой и надежной власти. Не случайно с уходом с политической арены в 1964 году низвергателя «отца народов» имя Сталина стремительно, в том числе в литературе и искусстве начинает реабилитироваться, а идеологические гайки — закручиваться. Естественно, что в таких условиях произведениям, подобным пьесе Осинина, появиться на свет было очень проблематично.

Публикация пьесы «Пять секунд» тоже не состоялась. Из журнала «Новый мир», куда Николай Петрович ее отправлял, ему отвечали:

«Фабула и жанр «приключенческой пьесы» «из партизанской жизни» не дали авторской теме развиваться так, как то, очевидно, входило в намерения драматурга. Все обеднело, упростилось, сузилось в своем звучании. В то же время пьеса лишилась и простодушного обаяния «приключенческого жанра». Его чистой звонкости, пленительности его однозначных, но ярких героев, откровенности его эффектов... Приключенческий жанр здесь мешает развернуть философски и социально содержательные диалоги..., а философская и социологическая загруженность драмы мешает яркости диалогов-дуэлей, энергичной словесной перестрелке противников, заставляет драматурга отказаться от законной для авантюрной приключенческой пьесы стилистики... Фабула и тема в пьесе Н. Осинина оказались решительно теми двумя медведями, которые не могут ужиться в одной берлоге... Нельзя, конечно, забывать, что театр поистине великий волшебник... Но в чтении пьесы сейчас оставляет впечатление достаточно жесткой внутренней разлаженности, разнобоя фабулы и мысли, жанра и темы. Это и заставляет решительно возражать против публикации драмы на страницах «Нового мира».

Удивительно, но сорок лет спустя чтение пьесы «Пять секунд» никакого ощущения «внутренней разлаженности», разнобоя не вызывает. По крайней мере, настолько, чтобы

так категорично указывать автору на дверь. Напротив, пьеса читается и воспринимается как нечто достаточно цельное, заставляющее о многом задуматься. Приключенческое и мировоззренческое в ней вполне уравновешены. Что касается «яркости диалогов-дуэлей, энергичной словесной перестрелке противников», то они не только присутствуют, но именно на них во многом и держится читательское внимание. Претензии по каким-то отдельным моментам остаются и сегодня. И редакторская работа здесь, конечно бы, не помешала. Есть что улучшать, отшлифовывать. И к конкретным предложениям Николай Петрович, находивший, как правило, с редакторами общий язык, обязательно прислушался бы. Но ему отказывали в принципе...

9

Неудача с пьесой серьезно повлияла на физическое и духовное состояние Николая Петровича. К такому двойному удару он был морально не готов. У него опустились руки. Началась депрессия. А одной из дочерей он даже признается, что совсем не может писать: «У меня полная голова сюжетов, но ведь ничего из этого невозможно будет напечатать».

Осинин снова пытается переключиться на современную тематику. В 1964 году он пишет рассказ «Маска жреца (Из записок школьницы)». Смысл его достаточно определенно выражен в финальной фразе-вопросе: «Почему самое главное видишь не сразу?» Все не здешнее кажется непременно красивым, романтическим, заслуживающим особого внимания, а свое — обыденным и неинтересным. Героиня рассказа, влюбляется в мечтах то в древнего Тутатхамона, то в Фиделя Кастро, и не сразу откроется ей, какой интересный мальчишка ее сосед по парте Борька Степанов. Только после того, как окажется в больнице мама, осознает девочка, насколько серьезно болен самый дорогой для нее человек. В этом рассказе Осинин, пожалуй, впервые обратился к поре первоначальной влюбленности. Он и здесь выступает тонким наблюдателем и знатоком состояния юной души. Рассказ пронизан светлым лиризмом и доброй иронией, которых давно уже не было в его творчестве.

«Маска жреца», однако, так и осталась попыткой вернуться на фарватер современности. Война по-прежнему не оставляла Николая Петровича, не давала покоя его творческой душе. И в 1965 году из-под пера Осинина выходит новая повесть о героях-подростках Великой Отечественной войны — «Журавлиный яр».

В ней Николай Осинин продолжил тему «дети на войне». Продолжил в им самим проложенном направлении. Живут и действуют юные персонажи повести в несколько иной плоскости, нежели, скажем, известные всем герои-пионеры Леня Голиков или Володя Дубинин. На оккупированной территории, где нет поблизости ни наших войск, ни партизан, они ведут свою борьбу с врагом. (О чем, кстати, ни до, ни после Осинина практически никто не писал, и шел он здесь фактически по литературной целине). Как ведет ее главный герой «Журавлиного яра» колхозный пастушок Матвейка.

В одном из березовых колков он обнаруживает группу прячущихся от фашистов беженцев: евреев, поляков, белорусов. Были здесь старики, женщины, дети. Несмотря на грозящую за укрывательство смертельную опасность, мальчик берется активно им помогать. Однако вскоре о прячущихся в окрестных перелесках беженцах узнают фашисты. В участковую больницу заглянул немецкий офицер и увидел больного еврейского мальчика. Маленький Изя, приняв офицера за доктора, сказал, что и бабушка и мама его ждут в лесу. Офицер взял медсестру и малыша, чтобы «увезти» его к маме. Но мальчик дорогу не запомнил. Тогда после безуспешных поисков гитлеровцы высадили их у ближайшего осинника и сказали малышу: твоя мама — там, беги к ней:

«Мальчишка торопливо заколопал к лесочку. Ноги у него дрожали от слабости, заплетались в высокой траве, белая панамка сползла на глаза, а он спешил изо всех сил, шепча про себя: «Мама, мама...»

Медсестра, глядя в одну точку, тихо сказала:

— Господин офицер, у ребенка скарлатина, ему нельзя бегать, тем более, босому...

— Вам жалко этого еврея? — фашист впервые посмотрел на нее без улыбки, и женщине стало не по себе от взгляда тусклых, как серые камешки, глаз. — Можете его сопровождать.

Она пошла, потом побежала за ребенком, косясь через плечо на немцев около машины. Офицер и солдат молча смотрели в ее сторону. Женщина поняла, что они что-то замыслили недоброе. С каждым шагом ей становилось страшнее. «Если добегу до осинника — уйдем!..» — подумала она, догоняя мальчишку. Она подхватила его на руки, машинально поправила панамку на ходу и тут же краем глаза заметила тонкую проволочку в траве. Нога инстинктивно шагнула через, но ступня подмяла верхушку чернобыльника — стебель коснулся натянутой проволоки...

Что-то черное рванулось к ней из-под земли, а что — она так и не поняла...

Фашисты вздрогнули от взрыва.

— Так и есть: минное поле! — произнес кто-то из немцев. — Надо поставить указатель для наших солдат.

— Русские заложили мины — русские должны убирать их, — улыбнулся офицер, доставая сигарету. — Это справедливо...»

Этот большого трагического накала эпизод лучше многих рассуждений и описаний обнажает звериную сущность фашизма, кровавую и страшную его физиономию. Не менее пронзительна сцена, где русский мальчик Климущка (товарищ Матвейки) спасает раненую еврейскую девочку Асю, когда фашисты прочесывают колок, где прячутся беженцы. Немецкая пуля настигает паренька.

«В тот же миг что-то остро ужалило в бок. «Пчела! Нет, оса...»

И вдруг все переменялось. Нахлынул зеленый холодный туман. Дышать стало нечем. Сделалось зябко, худо, лихо...

Луна закачалась, закачалась и расплылась в озерко. Издалека-далека донесся голос Аси:

— Климущка!..

Ничего. Он сейчас передохнет... Оса впиалась в бок, смахнуть — силы нет... Туман загустел, противный, удушливый. Силась разглядеть сквозь него, Климущка шире, шире раскрывал глаза... И увидел ее. Рядом. На белой от ромашек лужайке. Мягкой легкой рукой она гладила его щеку... И когда он уже ничего не видел, он прошептал ее имя в первый раз:

— Ася...

...Асе казалось, что тело ее от пронзительной боли стало стеклянным и хрупким. Все же она придвинулась к мальчику, опершись на здоровую руку.

— Климущка!..

...Большая черная собака, повизгивая, суетилась около него. Она лизала ему щеку, белый немигающий глаз. Лизнула струйку крови в уголке стиснутых губ — и тогда, отпрянув, подняла голову к луне и завывала...»

Здесь одна эта «черная собака» как художественная деталь, предельно зримо, точно и выразительно передающая весь трагизм момента, чего стоит! И такие детали в повести «Журавлиный яр» встречаются не раз. Не в последнюю очередь благодаря им повесть становится по-настоящему художественной.

В то же время, Николай Осинин остается верен себе как приверженец приключенческой занимательности, сюжетной динамики. Он и в новой повести стремится раскрывать образы и характеры персонажей, их состояние главным образом через действие, поступки, в которых они проявляется. Хорошо видно это в приведенных выше сценах.

Тому красноречивым подтверждением служит и один из ключевых эпизодов повести. Догадываясь, что в Горелом бору, в самом заповедном и глухом его месте — Журавлином яре — могут скрываться «отбившиеся от своих частей при отступлении

советские солдаты и не успевшие эвакуироваться местные коммунисты», немцы решают, пока они не организовались в партизанский отряд, ликвидировать их. Но в проводники берут, полагая, что так надежнее, мальчишек Матвейку и его товарища Ивана, посулив в награду красивый блестящий браунинг. Матвейку красивая игрушка не прельстила, а вот Ивана пистолет заморозил, и если бы не Матвейка, который решительно взял дело в свои руки, неизвестно, чем бы все кончилось. Ну а Матвейка заводит фашистов в болото, фактически повторив Сусанина.

Но, обращает наше внимание писатель, не одна лишь естественная ненависть к врагу движет Матвейкой. Наблюдая, как немцы на привале, развлекаясь, варварски рубят молоденькие деревца вокруг, он вспоминает слова одинокой старухи Позднячихи, когда в первый раз привела она их с Климушкой к Журавлиному яру. Она поклонилась старой разлапистой сосне над обрывом. «— Это праматерь всего бора, — говорила им бабушка, словно начиная сказывать свою новую сказку. — Пока стоит она — быть лесу. Храните ее, детушки, не голите землю. Заповедное место свято. Опоганить — грех велик...

Не сами ее слова, нескладные и маловразумительные доходили до них, а тот высокий настрой ее души, с которым она говорила о лесе».

Настрой этот отозвался в Матвейкиной душе рождением глубокого чувства любви к родной земле, которую Горелый бор и его сердце Журавлиный яр — эти чудесные природные уголки — собой олицетворяли. Разве можно было отдавать их на поругание врагу!

Сюда же позже устремляется Матвейка с остатками угнанного у немцев стада, прорвавшись с громадным риском для жизни через минное поле. Этим поступком он еще раз доказал (а его создатель на новом художественном примере подтвердил) известную истину, что в жизни всегда есть место подвигу — надо только быть к нему постоянно готовым. И «святые места» (а свой «Журавлиный яр» как мерило нравственной высоты должен быть в душе каждого настоящего человека) играют в той «подготовке» очень важную роль.

Журавлиный яр — контрапункт всего повествования, организующий его в единое идейно-художественное целое. И не случайно завораживающей картиной этого удивительного места оно завершается. Утренняя панорама Журавлиного яра, открывшаяся Матвейке, настолько же величественна, прекрасна, насколько и символична. Разлитая здесь первозданная красота и природная гармония, с одной стороны, символизируют извечные человеческие ценности, которые не подвластны самой страшной войне, а с другой — еще больше оттеняют вес ужас, всю грязь и зло войны, ее вопиющую дисгармонию и несправедливость.

Несмотря на трагизм и горечь, произведения Николая Осинина о войне полны того высокого жизнеутверждающего чувства, которое помогает выстоять и двигаться «через все преграды» к победе. И повесть «Журавлиный яр» не стала исключением. А сам этот, вынесенный в заголовок образ-символ в немалой степени способствует оптимистическому началу повествования.

«Он (Матвейка — А.Г.) смотрел на Журавлиный яр, как смотрят на спасенного собственными руками брата — с любовью, которая сделалась еще крепче, и с тайной гордостью за себя. Он был один, но не чувствовал себя одиоко. Где-то близко, в дремучих пущах, в потаенных лесных уголках скрывались друзья. Сердце замирало тревожно и томительно от предчувствия близкой встречи.

Коршун медленно плыл над самой головой. Матвейка замахнулся на него, но хищник лишь глянул твердым глазом на пустую руку...

— У-у, фашист! погоди, я тебе полетаю! — сказал Матвейка и побежал к стаду, где лежало оружие».

Из финальных строк понятно, что копится, зреет в потаенной глубине российских просторов сила отмщения и что настанет срок — очень плохо придет фашистскому коршуну. Тем более что на борьбу с ворогом встает стар и млад. И когда есть такие

смелые, самоотверженные, безоглядно любящие родную землю ребята, как Матвейка, земля у врага под ногами будет гореть.

В этом, собственно, и заключается главный пафос военных повестей и рассказов Николая Осинина, нашедший в «Журавлином яре», пожалуй, наиболее яркое и концентрированное воплощение. Осинин предстает здесь уже как совершенно зрелый художник, чей, проявившийся еще в начале литературного пути, талант тонкого психолога и знатока детской души, словесного живописца, мастера приключенческого сюжета, находит наиболее полное и цельное в его творчестве воплощение.

10

В 1966 году в Новосибирске повесть «Журавлиный яр» увидела свет. И тогда же Николай Петрович по предложению Западно-Сибирского книжного издательства начал работать над книгой о молодогвардейцах.

Издательство располагало воспоминаниями учительницы Краснодонской школы №4 Анны Дмитриевны Колотович о школьных годах молодогвардейцев. Содержали они достаточно интересный материал, но были весьма сумбурны, без четкого стержня. Слишком много места в них уделялось собственному педагогическому опыту автора. Нуждались они и в серьезной литературной обработке. К тому же, высвечивались молодогвардейцы в мемуарах довольно узко и однобоко. В силу этого, и ряда других причин воспоминания А.Д. Колотович можно было рассматривать пока лишь как большой и весьма сырой фрагмент будущей книги. А чтобы сделать на его основе полноценную вещь, требовался опытный литератор.

Опытных литераторов в Новосибирске хватало. Куда меньше было тех, кому была близка военная тема. Да и предмет разговора — подвиг и трагедия молодогвардейцев — очень непросто. Но, думаю, именно последнее обстоятельство и заставило издательство обратиться за помощью к Николаю Осинину. Действительно, кто, как не он, посвятивший художественному исследованию юной души почти все свое творчество, настойчиво, раз за разом, возвращавшийся к волнующей его проблем подвига и предательства, мог лучше справиться с поставленной задачей.

Осинина молодогвардейская тема тоже давно интересовала. Привлекала его в первую очередь самая трагическая среди краснодонцев фигура Виктора Третьякевича, долгое время с «легкой руки» Александра Фадеева считавшаяся предателем. Лишь в 1960 году титаническими усилиями бывшего молодогвардейца Жоры Арутюнянца он был реабилитирован.

Но официальное признание невиновности — полдела. Яд клеветы силен, и избавиться от него не так-то просто. Куда сложнее вытравить подозрения их сознания людей, которым полтора десятка лет их внушали. Собственно, это и стало одной из главных целей книги о краснодонцах, за которую Осинин взялся с чувством большой ответственности и к делу подошел с той основательностью и тщательностью, какие отличали любую его работу.

Николай Петрович совершил поездку в Краснодон. Там встречался и беседовал со многими родственниками и близкими погибших ребят, собрал уникальный материал, часть которого использовал в будущей книге. Удалось ему познакомиться и с архивными материалами КГБ, раскрывавшими чудовищную картину происходивших в оккупированном немцами Донбассе событий.

Вернулся домой Николай Петрович в подавленном состоянии. То, что удалось узнать ему из первых рук и первоисточников, не совпадало с официальной версией, нашедшей отражение в книге Фадеева «Молодая гвардия», которая и сама после этого казалась ему лживой и поверхностной. А рассказать всю страшную правду в наступающие суровые идеологические времена, сменившие «хрущёвскую оттепель», понимал Осинин,

ему вряд ли позволят. Но и отступать — поздно. Материал «давил» на него, «стучал» в сердце, требовал выхода. Надо было искать пути и способы решения сложной задачи.

Пути наметилось два. Либо, выбрав и обработав наиболее «проходимые» материалы, сделать из них обычный сборник воспоминаний (к чему издательство изначально и склонялось), либо... писать свою «Молодую гвардию», то есть создавать собственное авторское повествование о краснодонцах, объединив его фигурой кого-либо из молодогвардейцев, того же Третьякевича.

Николай Осинин оказался на распутье. И опробовал, в итоге, оба пути.

Но почему мы говорим только об Осинине? На обложке и титульном листе книги «Дорогие мои краснодонцы» значатся фамилии двух авторов. И первой — А. Колотович. Но, знакомясь с текстом и сравнивая его с исходным материалом, убеждаешься, что только благодаря литературному таланту, мастерству, высокопрофессиональной работе Осинина, оплодотворенной сердечной болью писателя, книга смогла состояться как произведение большой духовной силы. На большинстве страниц книги присутствует личность писателя Осинина — его сокровенные мысли, его стиль, художническая манера, его эмоциональность и экспрессия. В силу чего фигура А. Колотович в этом соавторском тандеме скорее номинальная, и настоящим автором считать следует, все-таки, Николая Осинина, поэтому в дальнейшем, употребляя слово «автор» подразумевать будем именно его.

То, что Осинин пошел сначала по пути художественного решения замысла книги, видно прежде всего из первой ее части, практически полностью посвященной предсмертным дням Третьякевича в фашистских застенках.

«Мы попытаемся нарисовать заключительный этап краснодонской трагедии и то, что выпало на долю этого человека», — заявляет автор о своем намерении, но, прежде, чем взяться за его осуществление, проводит своеобразный «бой с тенью» — полемизирует с невидимым оппонентом, утверждающим, что существует предел человеческой стойкости и есть методы принуждения, способные заставить говорить любого, а значит каждый человек — потенциальный предатель и бессмысленна сама идея организованной борьбы во имя любой справедливой цели. Автор, напротив, убежден, что подобного рода утверждения полностью опровергает борьба советских людей в тылу фашистских захватчиков, что они — «прямое оправдание палачей... и оправдание для действительно совершивших предательство», а заодно и клевета на «честных и стойких людей, замученных в застенках гестапо, но не выдавших тайны врагу», тех же молодогвардейцев. На развенчание антигероизма и нацелена книга «Дорогие мои краснодонцы».

Разматывая клубок клеветнического навета, который опутывает Третьякевича, автор фактически проводит свое расследование. Основываясь на документальных данных и свидетельствах очевидцев, на строгом их анализе, он реконструирует события последних дней молодогвардейцев, пытаясь восстановить истину. В то же время, рисует Осинин этот «заключительный этап» (когда организация фактически разгромлена и более половины ее участников арестованы) с подлинно художественным искусством

Блестяще выписаны сцены допросов, пыток. Каждая фраза в них — искра, вспышка, обжигающий, бьющий электротоком образ.

«...Бандитский, внезапный, без размаха, удар под вздох. Показалось — ножом под сердце. Как стоял, так и скрючилось. Ни вздохнуть, ни выдохнуть. Если бы сейчас его разорвали на куски, он даже инстинктивно не смог бы вскрикнуть или застонать. Рот сам по себе раскрывался, раскрывался, как при зевоте, грудь делала отчаянные попытки втянуть воздух, но ни частицы не проникало через стянутую мертвым спазмом гортань. Дыхание оборвалось...

— Фамилии главарей, пятерок!... Кто руководил?!

...Удары в живот и пах простреливают рассудок. Все мешалось — стены, плети, кулаки, сапоги. Чудовищная дробящая круговерть. Как будто он попал в зубастую пасть

огромной камнедробилки, и она вращала, хрустела костями. Тело наполнилось треском...»

Прямо-таки физически ощущаемый образ-сравнение находит автор для передачи тотальной, терзающей все тело боли. Ему (Третьякевичу — А.Г.) представилось, будто он — в очень узкой тесной бочке, пробитой тысячами гвоздей. Гвозди вонзались в голову, в живот, в бока, в позвоночник — нельзя шевельнуться и лежать невыносимо».

Врезаются в память и образы палачей. «На допросах часто сидел начальник районной жандармерии Зонс. Круглый, трегубый, серая плесень усов, красный нос, сдвинутая в сторону нижняя челюсть». Еще более рельефен, можно сказать, чеканен гестаповский офицер, из самого нутра которого прямо-таки исходит злобное смертоносное свечение: «...Глаза повелительно-яростные, голос тяжелый, ржавый — металлический голос. В камеру допросов вроде бы вошел не человек, а какая-то смертоносная сила. Нечто подобное ощущаешь, встретив сумасшедшего с топором. И полицаи, и немецкие солдаты... при его появлении встали, точно мелкие гвозди, к которым поднесли магнит».

Но куда важнее автору не просто запечатлеть или передать физическое и душевное состояние персонажей, а понять логику и психологию поступков — как тех, так и других. И в первую очередь, погибающих, но не сдающихся молодогвардейцев, причину их беспредельной стойкости. Ведь дело их проиграно, положение безнадежно. При одной мысли о «полном разгроме» Третьякевичу кажется, что даже «душу погнуло». Но страшнее то, что враги, пуская в ход изошренную ложь, стараются выставить его предателем.

«Ты сдохнешь, как предатель. И твои родные тоже сдохнут — вся фамилия: отец, мать, сестра... — говорит гестаповец. — Если несколько человек скажет вашим: Третьякевич ест предатель — обязательно будут верить. А мертвые не имеют возможности оправдания».

Поистине дьявольский расчет, попирающий даже библейское «мертвые сраму не имут»: не только самого живого уничтожить, но и род весь, и память о нем опоганить, оставив длинный шлейф «срама». И не самая ли большая пытка «молчать под каленым железом, зная, что умираешь с клеймом предателя! Слышать запах своего горелого мяса — и знать, что твое терпение, твоя верность Родине обернется смертью и вечным проклятием для матери, отца, для близких!...»

Есть от чего придти в отчаянье. Но с другой стороны, приходит понимание того, что «и по ту сторону смерти человек остается связанным с миром и людьми вечно живой совестью, любовью, ненавистью к злу». Третьякевич встает перед страшной дилеммой, тяжелейшим нравственным выбором: «жить человеком — или не жить совсем». И свой выбор он делает — «я останусь и на огне человеком...»

Но и собственная участь отходит у Виктора на второй план, когда он задумывается о судьбе организации. Понимая, что участь ее решена, Третьякевич убежден, что «самое важное сейчас — не дать гитлеровцам унизить цель и смысл того, что делала «Молодая гвардия». Иначе обесценится и жизнь их, и смерть». Осознание этого еще больше мобилизовывало, придавало сил.

И, пожалуй, самое важное, подчеркивает автор, заключалось в том, что у поступков и мыслей Третьякевича и его друзей было такое прочное основание, как патриотизм. Не красивые слова и декларации, произносимые на собраниях, а то высокое, неотъемлемое от самой сущности чувство родины, которое руководило ими.

Откуда же, из каких источников черпали силы в борьбе с врагом и Третьякевич, и другие молодогвардейцы? Ответ на этот вопрос в определенной степени дают последующие части книги, где в воспоминаниях учителей А. Колотович, А. Житковой, родителей и оставшихся в живых членов организации рассказывается о школьных годах молодогвардейцев, воссоздаются образы юных Тюленина, Шевцовой, Земнухова и других краснодонцев. Перед читателем предстают талантливые, одухотворенные душевно

красивые, чистые и светлые ребята. Много нового узнаем мы о них. Особенно запоминается маленький Сережа Тюленин. Чувствуется рука опытного детского писателя, умеющего высветить в юном герое наиболее важное и существенное. В воспоминаниях вообще немало красноречиво характеризующих молодого гвардейца штрихов и деталей. Хорошо показана и атмосфера типичного шахтерского поселка с его светотенями.

Героизм краснодонских комсомольцев, видим мы, читая книгу, возник не на пустом месте. Целая совокупность факторов способствовала тому, что молодежь этого небольшого донецкого поселка в большинстве своем морально была готова к испытаниям и борьбе с врагом, к самопожертвованию. Здесь, конечно, и школа, учителя, лепившие из сырой глины детских душ людей, способных на высочайшее проявление духа. Здесь и общественное, в первую очередь — идеологическое, воспитание. В этой связи примечателен следующий факт: будущие руководители Луганского подполья, а до войны первый секретарь Краснодонского горкома Лютиков и председатель госсовета Яковлев, по свидетельству А. Колотович, «несмотря на крайнюю занятость, всегда по первому зову являлись к нам, Для школы они не жалели ни сил, ни времени».

Не может, разумеется, автор обойти и оборотную сторону краснодонской трагедии — предательство, которое на фоне негибкой стойкости, беспримерного мужества и самоотверженности еще более страшно и омерзительно. В который уже раз в своем творчестве Осинин задумывается о его природе. Ведь, как ни парадоксально, взросло оно на той же почве, среди той же советской молодежи. Предавший организацию, а потом и оклеветавший Третьякевича Почепцов тоже состоял в рядах «Молодой гвардии». И если одни морально были готовы к подвигу, то другие так же точно — к предательству:

«Тайна большого предательства начинается с маленьких подлостей, с душевной нечистоплотности, — размышляет автор книги. — Геннадий Почепцов — типичный представитель этой породы, с позволения сказать, людей. Пока его шкуре ничего не угрожало, форсил, храбрился. Но едва учуял настоящую опасность — тотчас, спасая себя, настроил донос на друзей. Впрочем, какие они ему друзья? Эгоист расценивает всех окружающих по тому, какая от них выгода. Членство в «Молодой гвардии» ему нужно было как прикрытие, чтобы, когда придут советские войска, быть чистеньким, выглядеть героем».

Почти три десятка лет прошло после выхода в свет книги «Дорогие мои краснодонцы». Но и ныне она оставляет большой след в душе и способна на серьезное воспитательное воздействие, ибо и настоящий подвиг, и подлинный героизм, о которых ведет автор разговор в книге, всегда в цене. Как и настоящая дружба, которой книга эта также посвящена.

И все-таки не покидает ощущение, что Николай Осинин поставленную перед собой сверхзадачу так и не выполнил. Начав писать произведение, несомненно, художественное и глубоко психологическое, уже во второй его части он, словно, очнувшись, одумавшись, начинает переводить стрелки на публицистические рельсы. А следующие две части — и вообще больше литературная обработка, нежели самостоятельная художественная работа, какой она является в начале. Вероятно, по той же причине не совсем сбалансирована книга композиционно. Первая и вторая ее части смотрятся отдельно и больше похожи на добротные заготовки повестей о Третьякевиче и Тюленине, дальше которых Осинин идти не решился.

Ни в коей мере это не укор писателю. Здесь скорее драма его — честного художника, не имеющего возможности выговориться в полный голос, открыто сказать правду читателям, а не «в стол».

11

Знакомство с архивными материалами, многие из которых были просто чудовищными, затем мучительная работа над книгой «Дорогие мои краснодонцы»,

которую он не мог сделать, как задумал, и не покидающее его ощущение полной беспомощности перед идеологической государственной машиной серьезно отразились на здоровье Николая Петровича. В 1968 году у него случился второй инфаркт. Инфаркт был обширнейший, доктора буквально вернули Осинина с того света, но жену предупредили, что жить ему осталось от силы года три-четыре.

Вернувшись из больницы, Николай Петрович снова пытается включиться в литературную работу. Он обдумывает повесть на автобиографической основе, вспоминая студенческие годы и свое участие в Томском подполье. Но и эта задумка была, в сущности, «непроходима», и дальше замысла дело не пошло.

Не всегда имея возможности сказать всю правду о времени и о себе печатно, Осинин старался по мере сил донести ее до читателей в личных встречах с ними. Николай Петрович часто выступал перед подростками, молодежью в школах, техникумах, училищах, библиотеках. Он любил детскую аудиторию, умел с нею разговаривать, заражать своими эмоциями. Но, увлекая юных читателей, возбуждая их интерес, не забывал при этом ставить серьезные жизненные вопросы. Он учил избегать поверхностных оценок и суждений, глубоко задумываться о сути происходящего вокруг. Талантливый писатель, он и в книгах, и в непосредственных встречах с читателями оставался столь же талантливым педагогом.

В декабре 1971 года на одной из таких читательских встреч Николая Петровича сильно простудило. Вернулся он домой весь в поту. У него начался жар. Врач поставил неутешительный диагноз — пневмония...

Выздоровление шло очень медленно. Однако к Новому году Николай Петрович почувствовал себя лучше и даже смог посидеть вместе с родными за праздничным столом. Начало года внушало большие надежды. Но осуществиться им не удалось. Второго января 1972 года Николай Петрович внезапно почувствовал себя очень плохо. Врачи скорой помощи констатировали очередной обширный инфаркт с отеком легкого. Медицина оказалась бессильной, и в одиннадцать вечера того же дня все было кончено: Николая Петровича Осинина прожившего чуть-чуть более 54 лет, не стало.

Ушел из жизни редкого дарования писатель, замечательный, душевный человек. Но остались его книги: умные, светлые, зовущие к добру, правде и справедливости. Он не успел выразить в слове и малой доли того, что носил в душе и сердце своем. Не милостивая к нему судьба прервала его творческий полет до срока, не дав достичь своего зенита. Но и сделанное им отзывается долгим звучным эхом и позволяет Николаю Петровичу Осинину занимать свое достойное место в литературном строю.

БИБЛИОГРАФИЯ

Отдельные издания

Через все преграды. Повесть. — Новосибирское кн. изд-во. Новосибирск, 1951.

Борискины карпы. Рассказ. — Там же, 1953.

Палочка-выручалочка. Рассказы. — Там же, 1955; Зап.-Сиб. кн. изд-во, Новосибирск, 1973.

Сила воли. Рассказы. — Тюменское кн. изд-во. Тюмень, 1957.

Солнечный дождик. Рассказы. — Новосибирское кн. изд-во. Новосибирск, 1958; Детгиз, М., 1959.

Земля мужества. Повести и рассказы. — Там же, соответственно 1961 и 1963.

Соль. Рассказы. — Новосибирское кн. изд-во. Новосибирск, 1962.

Железная команда. Повести и рассказы. — Зап.-Сиб. кн. изд-во. Новосибирск, 1966.

Крутые ступени. Повести и рассказы. — Там же, 1967.

Дорогие мои краснодонцы (совместно с А. Колотович). — Там же, 1968.

Повести о войне. Повести и рассказы. — Там же, 1975 и 1981.

Публикации в журналах и альманахах

Борискины карпы. Рассказ. // «Сиб. огни», 1952, №5.

Палочка-выручалочка. Рассказ. // Там же, 1954, №1.

Солнечный дождик. Из цикла рассказов. // Там же, 1958, №6.

Земля мужества. Повесть. // Там же, 1960, №10.

Мера стойкости. (О Краснодонской молодежной подпольной организации «Молодая гвардия» в годы Великой отечественной войны). // Там же, 1968, №5.

Вывел из терпения. Рассказ. // Там же, 1968, №10.

Ожидание. Мертвый лес. Рассказы. // Там же, 1985, №5.

Длинноухий друг. Рассказ. // Край заповедный. — Рассказы о природе. — Новосибирское кн. изд-во. Новосибирск, 1987.

О писателе Н. Осинине

Рясенцев Б. Рец. на повесть «Через все преграды». (Новосибирское кн. изд-во, 1951). // «Сиб. огни», 1951, №5.

Сальников Ю. Рассказы Н. Осинина. // Там же, 1956, №4.

Яновский Н. (подпись: А. Бегаев). Рождение большого чувства. // Там же, 1959, №3.

Побожий В. Герои Н. Осинина. // Там же, 1963, №7.

Рясенцев Б. Мобилизация души. (К 50-летию Н. Осинина). // Там же, 1967, №12.

Краснов И. Певец героической юности. // Пред. к кн. Повести о войне. — Зап-Сиб. кн. изд-во. Новосибирск, 1975.

Сапожников В. Мужество и нежность. // Пред. к кн. Повести о войне. — Там же, 1981.

Коваленко Н. Побег из плена. // «Сов. Сибирь», 31 мая 2005 г., №100.